

ТЫ БЫЛ МОИМ
КОШМАРОМ.

И МОЕЙ
зависимостью

ПРОШЛО 15 ЛЕТ.
Я ДУМАЛА,
ЧТО ЗАБЫЛА.

Но ты
СНОВА ЗДЕСЬ.

Дважды БЫВШИЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛЕКСАНДРА СЕЛОВА

Александра Седова

ДВАЖДЫ БЫВШИЙ

<https://litres.ru/74266078>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он был её самым жутким кошмаром, о котором ей удалось забыть. Но он вернулся, когда она погибала, и протянул руку чтобы спасти — или утащить обратно в ад.

Когда её жизнь рушится в одно мгновение, Мира оказывается на самом дне отчаяния. Развод становится тяжёлым испытанием, из которого, кажется, уже не выбраться. И именно тогда появляется он. Тот, от кого она когда-то бежала, оставив позади разрушительные, созависимые отношения. Она не знает, к чему приведёт эта встреча. Хватит ли ей сил снова уйти или на этот раз он не отпустит её окончательно?

Думаю, роман будет интересен тем, у кого были созависимые сложные отношения в прошлом. Пофантазируем, к чему может привести встреча такого бывшего спустя много лет.

В книге будет все:

Измены

Эмоции

Герой спасает героиню

Созависимость

Сталкеринг

Драма

Ну и многое другое.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	52
Глава 6	65
Глава 7	86
Глава 8	101
Глава 9	116
Глава 10	129
Глава 11	140
Глава 12	152
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Александра Седова

Дважды бывший

Глава 1

Быть женой моряка дальнего плавания — задачка со звёздочкой.

Не каждая женщина выдержит отсутствие любимого мужчины долгое время.

Вот я, вроде замужем. Муж — самый любимый человек на планете, и он есть... по документам. У сына есть отец. По документам. А по факту нашего папу ни воспитатели в детском саду, ни учителя в школе ни разу не видели. Друзья сына, появившиеся в его жизни относительно недавно, не знакомы с его отцом и первое время даже думали, что его нет, но спросить стеснялись.

Муж есть.

Деньги есть.

Семья есть.

Счастье есть.

А мужчины рядом нет...

Пришлось освоить мужские обязанности по дому. Я научилась чинить бытовые приборы, работать дрелью и собирать мебель. Я научилась менять пробитое колесо, заливать масло в машину, менять свечи.

Донести до дома из магазина четыре тяжёлых пакета с продуктами — тяжело, но возможно.

Самостоятельно чистить зимой снег во дворе, перекидывать лопатой уголь в угольник, таскать дрова... Это всё пришло с опытом и желанием жить в собственном доме вдали от шумного города и суеты.

Миша трудится старпомом на судне. Выполняет свою первостепенную и самую главную задачу — обеспечивает семью финансово. Дома бывает редко. Рейсы зачастую длятся дольше шести месяцев. А в прошлый раз он и вовсе дома не успел побывать. Приехал, сына увидел, меня поцеловал — и снова в рейс, ещё на девять месяцев.

А что делать?

Сын Дима хоккеем занимается. Ещё в бассейн ходит и на английский. Ледовые виды спорта сами по себе доступны не всем из-за огромных затрат на обмундирование. А в хоккей помимо профессиональных коньков, которые стоят как все мои зубы, необходима ещё и клюшка, плюс деньги на сборы и прочие расходы.

Да и частный дом требует много вложений. Если в квартире только квитанции оплачивай да ремонт раз в десятилетку делай, то в коттедже эта схема не прокатит. Тут всегда есть на что тратить, и траты, как и работа, не заканчиваются.

Поэтому приходится терпеть разлуку с любимым и отчаянно радоваться редким моментам, когда он всё же бывает дома.

О том, чтобы жалеть себя, даже в голову не приходит. Так как в нашем морском городке каждый второй — моряк, каждая третья — жена моряка.

У нас, жён моряков, есть сообщество в интернете, где мы друг друга поддерживаем и делимся новостями с морей. Вот вчера, например, одна женщина написала о том, что со стороны Японии идёт циклон, в море девятибалльный шторм будет. Теперь все волнуются, переживают за тех, кто в море.

И я волнуюсь.

Потому что завтра корабль мужа должен прибыть в родной порт, и мы наконец-то увидимся спустя год разлуки. Если уйдут штормовать (это когда корабль уводят от шторма подальше, в более спокойное и безопасное место, и встают на якорь, пока шторм не закончится), то прибытие Миши отложится на несколько дней, а может, и неделю. Если же капитан решит идти к берегу, несмотря на штормовое предупреждение, это опасно для жизни членов экипажа и всех, кто находится на судне.

В общем, беда.

Любой расклад меня не устраивает. Соскучилась, сил нет. По мужу, по нашим разговорам, по его вниманию, по близости.

Да просто по жизни с мужчиной, когда не нужно самой всё делать и тяжести таскать. Миша у меня мужчина рукастый. Всё может! И забор починить, и крышу подлатать, и песочницу с качелями для сына смастерить.

Выглядываю в окно из нашей спальни, что на втором этаже дома находится, смотрю сверху на свой любимый сад да

на детскую песочницу, в которой уже давно нет надобности. Диме в этом году 13 исполнилось. На качелях он ещё может пару раз прокатиться, а вот песочницу давно пора убирать. Я всё не решалась. Надеялась, что будут ещё детки, уж очень доченьку хотелось. Мечтала, что муж найдёт работу на берегу и будет рядом. Что заживём счастливой полноценной семьёй когда-нибудь.

А теперь всё. Гинеколог на прошлом плановом осмотре ясно сказала, что если не рожу в этом году, то потом поздно будет. А как рожать, когда мужа рядом нет? Беременной пакеты таскать да снег чистить?

Пришлось смириться с тем, что Димка — мой единственный ребёнок и больше детей не будет.

Переключаю внимание на яблони. Только-только цвет набирают. Скоро всё кругом зацветёт, и времени на глупости совсем не останется. Сад и небольшой огородик с весны до поздней осени занимают большую часть времени, так как требуют регулярного ухода. А осенью, само собой, переработка урожая, закрутки, засолки.

И правда погода портится. Тучи чёрные набежали, ветер крупными каплями дождя в окно бросается. Яблони мои к земле клонит, гибкость и крепость стволов проверяет.

Интересно, как же там Миша?

Во время переходов (когда судно идёт из одного района в другой) связи нет совсем. Ни позвонить, ни написать. Никак не узнаешь, что там у него на корабле. Идут домой в шторм или штормуют?

А у меня утка маринуется. Как он любит. Если день дольше полежит в маринаде, будет совсем не то. Готовить? Накрывать на стол?

От своих мыслей бегу в общий чат к таким же, как я. Отпускает немного. Девчонки шутят, что депиляцию придётся ещё раз делать. Так же сидят в неведении. Так же волнуются и так же отчаянно, с трепетом ждут своих моряков домой.

Что поделать, такая наша женская доля. Ждать.

— Мам, я гулять! — кричит Дима из прихожей.

Ну вот слышно же всё на втором этаже! А как я ему кричу что-то с первого, так он никогда не слышит, пока не поднимешься и в лоб не скажешь. Особенно плохо слышит просьбы помочь с уборкой. А если посуду нужно помыть, так у него вообще пробки в ушах.

— Сапоги резиновые надень, там дождь начинается! — кричу в ответ, выходя из комнаты. — И зонт возьми! — кидаю вдогонку. Просто чтобы заткнуть рот материнскому инстинкту, для галочки в сознании. Потому как прекрасно знаю, что сын ни за что не наденет сапоги и уж тем более не станет гулять с зонтом.

Занятия хоккеем хорошо закалили Димкин организм. Он каждый день по два часа на льду, а там, на арене, совсем не тепло. Раньше, когда он был маленький и приходилось возить на тренировки, всегда брала с собой шапку и тёплую куртку, чтобы сидеть в зрительном ряду и наблюдать.

А сын может в одной футболке кататься и даже вспотеет. Так что дождь и ветер для его иммунитета угрозы не несут.

Так, нужно немедленно отвлечь себя от мыслей о шторме. Иначе так и с ума можно сойти от одних переживаний.

В такую погоду в саду ничего не поделаешь, да и дома всё уже блестит от уборки. Перед возвращением мужа домой всегда генеральную уборку делаю.

Возвращаясь в комнату, достаю из шкафа спортивную сумку. Спортивную одежду для зала в неё закидываю вме-

сте с кроссовками. Поеду на фитнес, потренируюсь. Сброшу кортизол и займу себя делом, может, и легче станет.

Зал, в который я хожу заниматься, находится в городе, дорога занимает около часа. Под музыку любимой радиоволны неторопливо еду по мокрой дороге, люблюсь весенней зеленью, что освежила кусты и деревья.

Люблю долгие поездки на машине. Хоть за рулём, хоть пассажиром. Это расслабляет и даже поднимает настроение. В какой-то момент ловлю дзен и, бросив взгляд на себя в зеркало заднего вида, улыбаюсь отражению. Всё-таки я счастлива. Миша всё равно вернётся домой, и у нас будет целых три месяца рая. Три месяца нормальной счастливой семейной жизни.

Может, даже слетаем куда-нибудь отдохнуть все вместе. Муж обещал на Мальдивы нас свозить, исполнить мою мечту.

Телефон в креплении на приборной панели издаёт звук входящего сообщения.

Красный сигнал светофора как нельзя кстати. Открываю входящие.

«Мира, мы пришвартовались. Удалось прийти на день раньше. Встречать меня не нужно, сам доберусь».

Сообщение от мужа встревожило сердце. Адреналин, радость, эйфория разом обрушились на голову. Руки задрожали, пульс подскочил. Миллион мыслей заметались в голове, одна громче другой.

У меня ни утка не готова. Салаты не нарезаны. Дима гулять ушёл.

С зелёным светом сворачиваю на перекрёстке, еду в сторону порта.

Миша волнуется, чтобы я в дождь не ехала. А я и так уже в городе! Приеду сюрпризом, заберу любимого домой.

Может, и хорошо, что сын папу не встретит. У нас будет время на близость. А потом и утку запекую, и салаты нарежу, и Димка домой вернётся. Вот он обрадуется, когда папу дома увидит. Да, не буду ему говорить. Пусть сюрприз будет.

И так всё замечательно в моей голове сложилось, так сладко пахло предвкушением встречи с любимым мужчиной, что я не заметила, как пролетела под камерами, превысив скорость.

Глава 2

Стоянка возле порта наглухо забита автомобилями, пришлось ехать до самого конца, чтобы хоть как-то припарковаться.

Выхожу из машины, и в нос сразу бьёт знакомый запах железа, ржавчины и рыбы, приправленный послевкусием йода и морской соли, что остаётся на губах.

Точно так же пахнет вся одежда Миши, когда он приходит с рейса домой. Впереди меня ждёт несколько дней стирки, чтобы выполоскать из тканей этот въедливый запах.

Порт — место довольно знакомое. Не раз мне удавалось проходить на территорию и бывать на корабле, где работает муж. Но сейчас у меня нет проходной карточки, поэтому на территорию не пустят.

Осматриваю серый бетонный забор с колючей проволокой на самом верху, прыгаю взглядом по верхушкам пришвартованных кораблей, нахожу нужный — «Капитан Мельников». Стоит недалеко от проходной, словно уставший кит, облокотившийся на сушу, чтобы немного отдохнуть, и мирно пока-

чивается на волнах.

Где-то там мой муж. Уже скоро, совсем скоро я его увижу! Обниму, поцелую, и сердце наконец успокоится.

Территория порта довольно внушительная. Пока иду к воротам проходной, где в кабине с турникетом сидит охранник, глазею на виднеющиеся склады, краны, вышки, что утопают в туманной дымке, идущей от моря.

Влажный воздух мокрой простынёй ложится на лицо. В этом городе всегда туман. Поэтому я так хотела уехать за его пределы, туда, где солнце светит и нет этой морской сырости.

Холодный весенний дождь усиливается. Он уже не просто портит настроение, а барабанит по плечам, по голове, ударяет в лицо, затекает за шиворот.

Холод пробирает до самых костей — так сильно, что пальцы немеют.

Прячу руки в рукава. Немного потерплю, зато сделаю сюрприз любимому. Он явно не ожидает встретить меня, наверняка думает, что придётся тащиться домой на такси. А тут я — и его любимая машина.

Чтобы не мешать выходящим через проходную, встаю чуть поодаль.

Всматриваюсь в лица людей, покидающих порт. Они все живые, счастливые, смеющиеся. Глаза горят планами на жизнь, и им хочется успеть насладиться ею до того, как море опять позовёт.

Холодно...

Пальцы ног околели, заоченели в промокших кроссовках.

Чтобы скоротать время, фантазирую, как Миша сейчас выйдет, обнимет крепко, обрадуется. И сразу теплее становится.

Поток людей закончился, а его всё нет.

Редко выходят одиночки-матросы, закинув сумки на плечи, уверенно двигаются в сторону остановки.

Кого-то встречают жёны и друзья.

Улыбаюсь от шума радостных воплей, разделяя счастье этих людей, и смиренно жду своего счастья. Оно уже скоро,

ВОТ-ВОТ...

Из проходной выходит стройная высокая девушка в модном чёрном плаще. Не одна, а под ручку с Мишей.

Я разглядела его не сразу. Ступор, упавший на голову, мешал осознать то, что вижу.

Коллега?

Ну конечно! Он же вежливый, обходительный. Просто помог девушке донести сумку.

Подойти?

Почему-то не решаюсь.

Он ставит её розовую сумку на мокрый асфальт и тут же притягивает к себе за талию. Они обнимаются — определённо не как коллеги. Но это ведь ничего не значит? Нет же?

Тихо переговариваются, оба улыбаются. К воротам подъезжает такси. Миша закидывает её сумку в багажник, ведёт девушку за талию к пассажирской двери и... целует в губы.

Не как коллегу.

Не как знакомую.

А как женщину, которую хотят, которую любят, с которой не хотят расставаться.

И смотрит на нее так... Как на меня смотрел, когда мы только поженились.

Следом у ворот появляется другое такси. Он садится в него и уезжает.

А я больше не чувствую дождя. Холод не чувствую. Ничего.

Меня только что убили. Застрелили душу без объявления войны.

Он меня даже не заметил. Смотрел только на неё, по сторонам не оглянулся.

Возвращаюсь в машину, сажусь за руль.

Долго и молча смотрю перед собой и ничего не вижу. Противный дождь грохочет по крыше, штурмует лобовое стекло, смазывает огни порта в яркие полосы.

Час, два?

Время просто перестало существовать.

Сознание возвращается, приходит под руку с убивающей болью. Как будто внутри меня взорвалось сердце. Рана кровоточит. Лёгкие сжимает болезненный спазм.

Я тону...

В этой невыносимой боли, в этом страшном предательстве, в этой мерзости, в собственной глупости. Потому что верила ему все эти годы!

Розовые очки разлетелись на осколки, впиваясь в глаза. Адская боль расходится от груди по всему телу, и я не могу двигаться, потому что боль уже физическая. Болит кожа, мышцы, органы.

Вспоминаю, как пару лет назад Миша обмолвился о том, что буфетчица уволилась и на её место взяли новенькую девочку. Что она совсем без опыта, но справляется.

Тогда эти слова звучали спокойно и буднично. Просто рабочие моменты, которыми он иногда делился. Не несли никакой опасности для жизни.

А ведь после того, как к ним пришла эта новенькая, он стал реже бывать дома. Рейсы стали продолжительнее, и, боже, он всегда так рвался на работу! Спешил на корабль, как будто там без него пожар.

То, что члены комсостава часто заводят любовниц среди уборщиц, буфетчиц, поварих — не новость. Это довольно частая практика, о чём мне сам Миша и рассказывал. Что в море они живут как семьи, а по приходу на берег возвращают кольцо на палец и едут к семье.

Он ведь сам мне это рассказывал! Потому что он не такой, потому что сам бы никогда так не поступил...

Рот открывается, челюсть падает вниз. Из горла рвётся истошный, болезненный крик. Я кричу и не слышу себя. Слезы хлынули обильным потоком, согревая лицо после холодного дождя.

Я бью руками по рулю, по приборной панели и вою. Стучу кулаками по ногам, до боли, до синяков. Растягиваю на себе пальто, дёргаю края, так что пара пуговиц отлетает. Тяну за ворот вниз, дёргаю и снова бью по рулю.

Истерика превращается в неконтролируемую, какую-то

животную и, кажется, никогда не закончится.

Почему я? Почему со мной это всё происходит? За что он так со мной?

Не знаю, сколько прошло времени.

Истерика стихла так же быстро, как началась. Теперь только пустота. Всё выключили. Меня выключили.

Меня словно и нет совсем.

На улице уже стемнело. Противный мерзкий дождь всё так же барабанит по крыше. Телефон уже в десятый раз орёт мелодией звонка. На экране высвечивается: «Любимый муж».

Он уже дома, а меня всё нет.

Ищет.

А я где? Где я?

На самом дне отчаяния и боли, и как выбраться — не представляю.

Всё-таки завожу мотор. Включаю печку, чтобы согреться, так как тело пробивает озноб. Еду домой.

Дорога чужая, новая. Словно в первый раз по ней еду. Медленно плетусь в правом ряду. Как будто не домой, а на плаху.

По пути решаю, что подам на развод. Не смогу, как бы ни хотела, не смогу его простить и жить дальше, как жила. Даже если будет извиняться, даже если купит путёвки на Мальдивы, даже если завяжет с морями и оседет на берегу. Не смогу...

Это предательство невозможно простить. Это не просто измена, не просто секс на стороне. Это убийство всего, что у нас было и могло быть.

Страшно теперь. Очень страшно, до тошноты в горле.

Как сказать сыну?

Как сказать родителям?

Как сказать свёкрам?

Они люди в почтенном возрасте. Свекровь — гипертоник,

а свёкор — сердечник. Они меня любят, как родную дочь. Всегда радовались тому, какая хорошая жизнь у их сына сложилась: жена умница, деньги всегда есть, сын — спортсмен, дом — полная чаша.

Страшно. Вдруг такой удар они не вынесут? Я же потом до конца своих дней буду винить себя.

Мои родители поймут, как только узнают причину развода. Переживать будут, конечно, как без этого. Для мамы это будет трагедия, но она справится.

А как делить имущество?

Дом наш, который мы с нуля своими руками строили? Фундамент вместе заливали.

И как я буду... без денег?

По профессии ни дня не работала, потому что Миша с первых дней, как мы начали встречаться, всем обеспечивал.

Сложно всё, очень сложно. И страшно. И невыносимо больно.

Кажется, что я умерла и больше никогда не вернусь к жиз-

НИ.

Глава 3

В окнах дома горит жёлтый тёплый свет. Ни капли не греет и не навевает теплоту уюта, как было раньше.

Отчётливо понимаю, что как раньше уже никогда не будет.

От этого тошно. словно резко выбили пол под ногами. Я падаю в бездну с огромной высоты, а у меня нет даже парашюта.

Миша снова звонит. Обрывает телефон, шлёт сообщения. Представляю, как он напуган, и становится ещё хуже. Это ведь первый раз так... что я его не встретила с накрытым столом. Надеюсь, он нашёл в холодильнике котлеты и поел... Боже, о чём я вообще думаю? Мой мир рушится, жизнь сломана предательством, а я волнуюсь о том, как он чувствует себя, попав после рейса в пустой дом. Волнуюсь о том, что муж переживает.

Нужно собраться с силами, открыть ворота, заехать во двор и зайти в дом. Такие простые, обыденные действия, а кажутся невыносимыми.

Как в глаза ему смотреть? Как с ним разговаривать? С чего вообще начать?

Плохо, до полуобморочного состояния. Но я всё же жму кнопку на брелоке и смотрю, как ворота медленно отъезжают в сторону, открывая дорогу в ад.

Очень больно, когда родной дом превращается в обгоревшие обломки семейного счастья. Когда стены, что возводили рука об руку, которые должны были стать крепостью нашей любви, теперь охраняют предателя и веют могильным холодом.

У меня больше нет дома.

Нет мужа.

— Мам, ты где была? Папа приехал! — услышав, что входная дверь хлопнула, подбегает сын.

Счастливый, глаза светятся. Прямо как в детстве, когда всей семьёй гуляли, в парк его водили и разрешали съесть вредную сладкую вату.

Сейчас Дима подросток. Ему интереснее с друзьями, чем со мной. Сейчас, если предоставить ему выбор, как провести

каникулы — с друзьями во дворе или на отдыхе за границей с родителями, он покрутит пальцем у виска. Потому что выбор очевиден.

А вот отца он видит редко, и с ним ему всё ещё интересно. У них свои мужские разговоры: про хоккей, про спорт, про друзей.

Обидно даже, что сын не делится этим всем со мной. Перестал делиться. А я ведь, как мама хоккеиста, которая во-дила его за ручку на занятия, разбираюсь не меньше нашего папы. А может и больше, потому что папа на трибунах не сидел и тренера не слушал.

— Где ты была? — следом за счастливым сыном появляется недовольный муж. — Я уже хотел в полицию звонить!

— А что не позвонил? — бросаю равнодушно, вешая промокшее до нитки пальто в шкаф вместо того, чтобы закинуть в сушилку. — Ели что-нибудь? — обращаюсь к сыну.

— Да, папа пиццу заказал! — с восторгом сообщает Дима и тут же опускает уголки губ, осознав, что я сейчас буду ругаться и напому о котлетах в холодильнике.

Но я не ругаюсь.

Поели — и хорошо.

Не чувствуя ног, иду в комнату. Мне нужно немедленно переодеться в сухую одежду.

— Что значит «почему не позвонил в полицию»? — идёт по пятам Миша. — Мира! Слышишь меня? Что происходит? Где ты была?

— Дверь закрой. — подхожу к шкафу. — Мне нужно переодеться.

Муж закрывает дверь спальни и встаёт рядом.

Напуганный, встревоженный.

И мне его жаль.

Правда жаль. Потому что он такой дурак — своими руками всё разрушил.

Стягиваю мокрую прилипшую к телу водолазку, следом не менее мокрые джинсы и нижнее бельё.

Оборачиваюсь. Становится интересно, смотрит ли.

Смотрит.

Хочет меня?

Наверное, если прямо сейчас обнимет, замёрзшую и голую, я не оттолкну...

Но он не обнимает. Не подходит даже. Смотрит на меня как на соседку. Всё так же переживая.

Одеваюсь.

– Что с тобой происходит? Что-то случилось? Почему ты мокрая? Где ты была?

– Гуляла. — отвечаю бесцветным голосом и включаю фен.

Просто чтобы шум перекрыл его тупые вопросы. Мне нужно ещё хотя бы пять минут, чтобы набраться смелости. Чтобы понять, как ему отвечать и как заговорить о главном.

– Гуляла? — ошарашенно выкатывает глаза, перекрикивая шум фена. — Я же написал, что сегодня приеду! — волнение резко сменяется раздражением. Ущемилось его самолюбие. Пока думал, что со мной что-то случилось, просто

волновался, а как узнал, что я просто гуляла вместо того, чтобы накрывать на стол, сразу возмутился.

Хватит.

С меня. Хватит.

Выключаю фен, не досушив волосы, откладываю его в сторону и оборачиваюсь к мужу. Смотрю в его глаза, которые так сильно любила, и слова вылетают сами собой, как из заряженного пулемёта, стоило только разозлиться:

– Я ездила тебя встречать. Ждала тебя там, на проходной. Я вас видела! Тебя и эту... кто она? Новая буфетчица, верно?

На его лицо падает мимолётная тень осознания происходящего. Муж быстро берёт себя в руки, но я успела — увидела в его глазах всё, что нужно было.

Он сохраняет внешнее спокойствие, даже улыбается.

– Зачем ты ехала, если я написал, что сам доберусь? — с обвинением.

Защищается.

Он. Безжалостный палач, которому хватило смелости убить нашу семью без наркоза... защищается. Значит, боится. Было бы проще, наверное, если бы он сейчас просто во всём признался и предложил варианты, как нам быть дальше. Да, это было бы ещё больнее, но зато смело и разумно.

– Была в городе, хотела сделать сюрприз. Но сюрприз сделал ты...

– Слушай, я не знаю, что ты там себе напридумывала, но ты всё не так поняла, ясно?!

– Вы целовались! Со зрением у меня ещё всё в порядке.

– Ну, чмокнул по-дружески, что в этом такого?!

На секунду показалось, что он прав. Что я просто всё выдумала. Что не было в том поцелуе ничего катастрофического.

В глазах защипало снова. Так хочется ему верить...

Это во мне орёт страх менять свою жизнь. Я знаю, что видела. Сейчас можно говорить что угодно, как угодно оправдывать его. Можно даже решить, что мне действительно показалось. Но я видела, как она сувала свой язык в рот моего

мужа. И как мило они прощались.

Я словно на распутье.

Сделать вид, что всё в порядке, забыть, не возвращаться к этому никогда и жить свою счастливую жизнь как раньше? Просто склеить осколки розовых очков желанием сохранить семью, замотать изолентой надежды что это не повториться и вновь водрузить на глаза?

Или найти в себе силы уйти в неизвестность?

Поздно что-то думать. Это всё самообман, защита психики от стресса. Уже никогда ничего не будет как прежде, даже если мы сделаем вид, что я ничего не видела.

Никогда.

— Я хочу развестись. — говорю строго и ясно. Без слёз и истерик.

— Так, давай завтра поговорим! — истерика начинается у него. — Ты сейчас на эмоциях, сама не понимаешь, что говоришь!

— Это ты не понимаешь, Миша... Я подам на развод. Зав-

тра же. Всё нажитое имущество разделим пополам, не беспокойся: на твою квартиру, подаренную тебе родителями до брака, я не претендую. На машину тоже.

— С ума сойти! — возмущается. Протирает сухими ладонями лицо и смотрит на меня так, как будто это я во всём виновата. — И как ты жить собираешься? На что? Подумала?

— Живут же как-то другие женщины, и я смогу. Дом продадим, он по сегодняшним ценам стоит как две квартиры в городе. Куплю себе квартиру и на работу устроюсь.

Миша несколько минут усиленно думает и вдруг заявляет:

— Я всё понял! Это ты ерунды в интернете насмотрелась! Мужики на судне рассказывали, что бабы сейчас крышей поехали — насмотрятся видеороликов о самосовершенствовании, о связи со вселенной, потом от мужей уходят, семьи рушат, чтобы самореализовываться. Я тебе так скажу, Мира: никакого развода не будет, выкинь эту дурь из головы, поняла! Ты разве не понимаешь, к чему ведёт эта грёбаная чушь про самореализацию и феминизм? Это всё проделки врагов нашей родины, вот как! Чтобы наши женщины детей не заводили, семьи не создавали и умирали в одиночестве! Это направленная атака против нашей демографии!

– Я и так умру в одиночестве, пока ты будешь в море с буфетчицей обжиматься. — выдаю устало.

Нет сил, чтобы с ним спорить и доказывать свою правоту. Пусть думает, что хочет — мне уже всё равно.

– Я посплю в гостиной. — роняю, выходя из нашей спальни.

Глава 4

Просыпаюсь от шума в прихожей.

Судя по разговорам, сын с Мишей обсуждают планы на день после тренировки. Муж напрашивается к сыну на арену — посмотреть, как он тренируется. Обещает, что потом сразу поедут кататься на картинге и заедут купить ему новый телефон, какой он захочет.

Сын счастлив.

А меня воротит. До резей в желудке.

Муж вдруг решил проявить себя во всей красе, показать мне, какой он хороший.

Где же ты был раньше, Миша?

За десять лет, что Дима занимается хоккеем, ни разу не был на тренировке. Для гордости ему хватало информации о победах сына на матчах чтобы хвастаться перед друзьями.

Телефон этот... Ещё месяц назад, когда сын звонил папе и жаловался на свой смартфон, муж сказал, что мы не печача-

таем деньги на станке, и чтобы Димка ждал Нового года — тогда, может, в качестве подарка и купит.

А тут — просто так.

Не просто. А чтобы я локти кусала, какого замечательного мужика теряю.

Делаю вид, что сплю. Жду, когда они уедут, и только после этого встаю с дивана. Складываю плед.

На кухне варю себе крепкий кофе и, опустившись за стол с горячей чашкой, открываю в телефоне «Госуслуги». Заполняю заявление на развод.

Заявление подано. Мужу придёт уведомление.

Начало положено — и даже легче стало. Спокойнее, что ли. Потому что я больше не мечусь в догадках, как поступить, не терзаюсь сомнениями. Просто делаю то, что нужно.

Потом на автомате, отточенными механическими движениями готовлю своим мужикам обед и ужин. Утку закидываю в духовку. Нарезаю заготовленные для салатов овощи. Не пропадать же продуктам, которые я закупила для встречи мужа.

Стучу лезвием острого ножа по стеклянной доске, усме-хаюсь.

Праздничный стол какой-то получился. Хотя... скорее поминальный.

Выпить бы. Устроить поминки своего брака со всеми по-честями.

Закончив с готовкой, вызываю такси — муж с сыном уеха-ли на его машине. Собираюсь выходить из дома в чём была: в голубых потёртых джинсах и в розовой домашней футбол-ке оверсайз.

Открываю шкаф в прихожей, натыкаюсь на своё мокрое пальто, которое за ночь отсырело и теперь источает жуткий запах.

Ещё вчера я бы кинулась спасти любимую вещь — и дру-гие куртки в шкафу, пока не провонялись. Но сейчас как буд-то всё равно. Тепло сегодня, можно и в футболке до магази-на съездить.

В супермаркете зависаю перед витринами с алкоголем. Не помню, когда в последний раз пила. Совершенно не разби-

раюсь в алкоголе. Может, вино купить? Красное или белое?

Или пиво?

Когда-то я любила шампанское.

Выбираю игристое вино, ориентируясь на стоимость. Плохое ведь не будет дорого стоить. Или будет? Как понять, что дорого или дёшево для шампанского?

Стоп. У меня же поминки, а не праздник. Значит, надо брать водку.

Беру наугад самую дорогую бутылку, понадеявшись на хорошее качество, иду на кассу.

Несмотря на большую проходимость, в магазине работает только одна касса.

Кассы самообслуживания не работают. Закон подлости во всём своём проявлении. Когда нужно взять что-то одно, быстро — приходится стоять полчаса в очереди.

Стою. Ничего не поделаешь.

Смотрю, как девушка передо мной выкладывает на ленту

баночки с детским питанием.

Почему-то становится стыдно — за то, что я, как алкашка, в обеденное время покупаю только бутылку алкоголя.

Откуда-то из-за стендов с жвачкой раздаётся громкий мужской баритон:

— Позовите кассира! Одна касса на весь магазин, вы там охуели?!

Почему-то улыбаюсь. Хоть кто-то высказался.

Мужчина заглядывает в проход к единственной кассе и бегло проходится взглядом по людям в очереди.

В его руках только одна пачка сигарет.

— Бля... — тихо рычит.

Затем открывает рот, чтобы снова закатить скандал, но тут же осекается. Неприятно так, пристально изучает моё лицо.

Как будто мы знакомы. Но он не может вспомнить, где мог меня видеть. Заметно напрягается. И вдруг хитрые, слегка

раскосые зелёные глаза озаряются узнаванием.

— Мирка... — произносит еле слышно. — Мира, ты? — спрашивает громко, так что вся очередь слышит.

Теперь уже напрягаюсь я. Присматриваюсь к нему, изо всех сил пытаюсь вспомнить, кто он и откуда может меня знать.

Парень лысый, с модной, аккуратно оформленной короткой щетиной. Симпатичный. Наверное.

Одет в белую футболку, поверх — чёрная мастерка. На ногах чёрные спортивные штаны и белоснежные, ослепительно чистые кеды. Как будто они земли никогда не касались — словно он ходит по воздуху.

На шее блестит дорогая платиновая цепь с бриллиантами. На запястье — платиновые часы известной марки.

Нет. Я уверена, что никогда не знакомилась с лысыми парнями. И этого вижу впервые. Но он-то меня знает. Может, какой-то друг Миши?

Стыдно вдвойне. Будет думать, что у Миши жена алкоголичка. Ещё не хватает классную Димы встретить или све-

кровь — для полного позора.

— Да, я, — отвечаю, смутившись. — А вы, простите, кто?

Пытаюсь спрятать бутылку за бедро.

— Ты чё, не узнала? — прищуривается хитро, по-лисьи.

Этот взгляд... прищур... нос, губы...

Током по нервам.

Нет. Нет. Нет...

Руки мелко задрожали, сердце дёрнулось, в груди что-то болезненно ёкнуло.

Не может быть...

— Макс?.. — спрашиваю.

Кивает. Внаглую расталкивает людей в очереди за мной.

— Я с девушкой! Пропустите.

Кладёт на ленту свою пачку сигарет. Я ставлю бутылку водки.

Кассирша смотрит на нас отсутствующим взглядом.

— Пакет?

— Да, пожалуйста.

Пытаюсь скрыть волнение и ужас, который накатывает волнами. Лицо то обжигает жаром, то стягивает ледяным холодом. Руки потеют.

Ну встретились и встретились. Нужно успокоиться.

Главное — чтобы он не заметил, как меня кроет.

Пока я пытаюсь взять себя в руки, Макс прикладывает карту к терминалу и забирает пакет с нашими покупками.

Алкоголь мой оплатил.

Словно мы близкие друг другу люди. Словно в этом ничего такого.

Молча иду к выходу, он идёт рядом.

Как будто ничего странного. Как будто мир сейчас не перевернулся.

Будто мы старые приятели, случайно встретившиеся.

Нет. Нет. Нет.

Он мне не приятель. Он — мой самый жуткий кошмар из прошлого. Самый жестокий, самый извращённый садист для моей психики.

Воспоминания, как подлая мразь, подбрасывают картинки из прошлого.

А вспомнить есть что. Очень много всего было в наших больных отношениях.

Мне было восемнадцать, а ему — на два года меньше. Но уже тогда он был наглее, взрослее, выше, сильнее моих сверстников. Хам и мерзавец. Мажор, которого все уважали и боялись. Умел говорить так, что люди верили во всё, что он скажет. Даже в то, что трава голубая, а небо оранжевое. Уверена, это он рассказал Лозе что земля плоская.

Мы были первыми друг у друга.

Во всех смыслах.

Первая любовь, первый секс, первые серьёзные отношения... первая зависимость. Похуже наркомании. Зависи-

мость от человека.

Наши отношения длились всего год. Всего год — а спустя столько лет меня до сих пор триггерят воспоминания.

У нас не было шансов избежать встречи тогда, в юности.

Я увидела сообщение на экране по каналу Муз-ТВ — в то время можно было платно отправить сообщение в эфир. Парень писал о том, что впервые в нашем городе и просил устроить экскурсию. Я откликнулась сразу, и мы договорились погулять на выходных.

Вечером того же дня папа, придя с работы, сообщил, что в город по делам бизнеса приехал его армейский друг с сыном. Попросил подружиться с мальчиком, показать достопримечательности.

А на следующий день я столкнулась в колледже с новеньким.

Зацепились взглядами, познакомились — и выяснилось, что он и есть сын папиного друга. И что это он писал сообщение в телек.

Судьба. Так думали мы оба. Жизнь словно обложила нас

со всех сторон, толкая навстречу друг другу всеми возможными способами.

Встречаться с парнем младше было позорно. В то время как моих однокурсниц после учёбы забирали взрослые мужчины на машинах, я ждала своего — со скейтом.

Тогда у него были длинные волосы, и он собирал их в хвост. Он писал стихи и мечтал стать рэпером.

Первые полгода отношений были раем.

А потом начался ад.

Он сходил с ума от ревности. Ревновал к каждому парню, с которым я просто заговаривала. Не отпускал меня от себя ни на минуту. Стал пропускать учёбу, чтобы караулить меня после пар. Ночевал в моём подъезде неделями.

Мы расставались.

Умирали друг без друга — и снова сходились.

Мы дрались.

Я не была тихой девочкой — совсем нет. Могла выска-

заться. Могла ударить. Закатить скандал.

Мы трепали нервы друг другу, дрались, мирились. Он — с исцарапанным лицом, и я — зарёванная.

В какой-то момент не осталось ничего, кроме наших отношений. Ни друзей, ни учёбы, ни родителей, ни законов, ни разума.

Мы причиняли друг другу боль. Рвали друг друга на части, как голодные псы — свеженину. Пытались это остановить — но снова оказывались вместе.

А потом он потерял контроль настолько, что ударил меня кулаком.

Рассечение брови. Кровь.

Он плакал. Я кричала.

Он извинялся — и я простила.

А потом это повторилось. Снова. И снова.

Я натурально умирала каждый раз. Потому что не могла без него дышать.

Нам было плохо по отдельности — а вместе ещё хуже.

В какой-то момент всё стало настолько плохо, что в наших отношениях не осталось вообще ничего хорошего. Ни романтики, ни понимания, ни дружбы.

Я знала, что он начал изменять. Чувствовала это кожей. Но не могла доказать.

Я задыхалась в этих отношениях.

Это длилось бы вечно. Мы бы поженились. Ждали, когда ему исполнится восемнадцать, чтобы зарегистрировать брак и нарожать кучу детей.

Но нашим родителям это надоело. И они решили вмешаться.

Его отец увёз его за границу.

Я впала в депрессию.

Психолог. Психиатр. Препараты.

Терапия помогла разобраться с тем, что с нами происхо-

дило. От антидепрессантов стало легче. Но любовь не проходила ещё долго. Очень долго.

Помню, как перед свадьбой написала ему, что выхожу замуж.

Он не ответил.

На этом наша связь оборвалась окончательно.

И я почувствовала себя свободной.

Любовь прошла. Воспоминания затёрлись. После рождения сына я вообще забыла о том, что Макс когда-то существовал в моей жизни.

— Подвезти? — спрашивает буднично и спокойно, вынимает из пачки сигарету, закидывает в рот и подкуривает. Протягивает мне пакет с бутылкой.

Не бросил.

Мы курили вместе — прямо в постели после секса. А потом проветривали комнату и душили пространство духами, чтобы родители не спалили.

Я бросила сразу, как мы расстались.

Беру себя в руки. Глушу эмоции, как рыбу веслом.

Было — и было.

Сейчас он другой. Просто знакомый. И я другая. Просто знакомая.

Сейчас он не причинит мне вреда. Не сможет. Потому что у него больше нет на это власти.

— Доберусь на такси, — отказываюсь от его предложения. Не хочу, чтобы он знал мой адрес. Не хочу, чтобы видел, где я живу.

— Может, в кафе? Посидим, поговорим, — предлагает, выдувая дым через ноздри. — Столько лет не виделись.

Я бы ещё столько же не виделась.

Если честно, мне было бы проще узнать, что он умер, чем встретить его снова.

Особенно сейчас, когда я и так с трудом держусь на ногах.

Мало мне проблем? Судьба решила подкинуть бонусный уровень.

Не знаю, как ответить. Вроде бы нет причин отказываться — мы ведь просто знакомые. С любым другим я бы согласилась.

Но это не «любой другой».

— Не могу. Меня муж ждёт, — говорю строго и отстранённо. Слово «муж» — как щит. Как защита от прошлого.

Интересно... а его кроет? Он помнит всё? Вспоминал?

Он выглядит слишком спокойным. Слишком уверенным. Как будто не оставил после себя ни одного шрама.

— Это для него? — кивает на пакет с водкой. В голосе скользит издёвка.

— Для дезинфекции, — отвечаю ровно.

Почему я вообще оправдываюсь? Почему меня волнует, что он подумает?

— Ну ладно. Я тогда поехал, — улыбается.

Выкидывает окурок, засовывает руки в карманы и нарочито расправляет плечи. Уверена — делает это специально. Чтобы я заметила форму. Или мне кажется?

— Пока, — отвечаю.

Он проходит мимо, идёт по парковке и садится в чёрный «Прадо» свежего года выпуска. Машина не просто чёрная — матовая. Наглухо тонированная. Не отражает свет, не бликует. Как тень. Как что-то тяжёлое и опасное.

Макс заводит двигатель. Вспыхивают ксеноновые фары. Из салона гремит музыка — басы такие, что стёкла соседних машин дребезжат.

Можно выдохнуть.

Уехал.

Бонусный уровень пройден.

И всё... закончилось.

Глава 5

Вернувшись домой, сталкиваюсь с реальностью. А реальность в том, что топить душевные раны в алкоголе совсем не хочется. Тут на трезвую голову не знаешь, как всё вынести, а в пьяном угаре только вешаться останется.

И дом — не дом. Находиться здесь невыносимо, потому что насилую психику, заставляя мириться с тем, что дом придётся продать. Не хочу этого. Я бы просто выставила мужа на улицу, будь я понаглее. Он мог бы пожить у родителей или в своей квартире, предварительно выселив квартирантов.

Но я хочу всё сделать правильно. Всё нажитое в совместной жизни должно быть разделено пополам.

Давно ли стала такой правильной?

Помню, как швыряла из окна вещи Макса, среди которых был телефон и его любимый скейт.

Кажется, что это была не я.

Макс часто называл меня конченной стервой. И это ему очень нравилось.

Я была такой только с ним.

До него и после проблемами с психикой не отличалась.

Интересно, а он сейчас так же ведёт себя с девушками?

Распускает руки?

Бьёт? Уничтожает морально? Давит ревностью?

Плевать!

Зачем я вообще об этом думаю!

Боже... Не вспоминала о нём столько лет — и тут на тебе. Как будто мы всего год не виделись: голова снова забита мыслями о нём. И снова это чувство, что рвёт душу в клочья. Снова ломка, до тремора рук и безумной тревоги.

Стоило только увидеть, постоять рядом...

И боюсь. Чего?

Повторения.

Боюсь снова оказаться в том замкнутом кольце созависимости, из которого не выбраться. В том аду.

Почему мне страшно?

Он ведь уехал. Мы не обменялись контактами, он не проявил никакого интереса ко мне как к девушке. Обычное приветствие старого знакомого, не больше.

Даже немного обидно, что так холодно и безвкусно.

Подхожу к зеркалу, снимаю футболку. Поворачиваюсь спиной, боком, другим.

Да, я уже не та красивая стройная девчонка.

Мне тридцать пять.

За плечами пятнадцать лет брака и роды.

Моя грудь не стоит, как в восемнадцать. Слегка обвисла после грудного вскармливания. Не висит мешками, но и не наливные яблочки.

На бёдрах и животе белые стрии. Во время беременности сильно поправилась — остались растяжки.

Не считаю себя толстухой, но и на стройную женщину не тяну. Лишних килограммов в избытке. Несмотря на то что занимаюсь в зале два раза в неделю, хлопочу по дому и управляюсь в саду, вес стоит на месте. Проблема в том, что я очень вкусно готовлю. Готовлю для сына всякие изысканные блюда и не могу устоять, чтобы самой не поесть. А ещё у меня выходит просто бесподобная выпечка: булочки, пироги, пирожные.

Снова втягиваю живот. В таком состоянии даже талия проглядывается. Выдыхаю.

Спасательный круг, а не живот.

Понятно, конечно, почему Макс не проявил интереса. Он всегда любил красивых девушек. Только красивых. Уверена, за эти годы его предпочтения вряд ли сильно изменились.

Наверняка его девушка или жена — стройная молоденькая модель с ногами от ушей, пятым размером груди и осинной талией.

А у меня и морщины вокруг глаз уже имеются.

Не обращала на них внимания раньше. И носогубку тоже не замечала.

Умылась, расчесалась, кремом намазалась — и всё. Весь уход за кожей.

Миша меня и такую любил...

Любил ведь. Когда-то.

Разглядываю своё лицо, мелкие морщинки пересчитываю и плачу. Не из-за возраста — нет. Из-за времени. Из-за того, что я больше никогда не буду той девчонкой, не буду молодой и красивой.

Мне бы машину времени!

И что бы я сделала?

Во-первых, избежала бы отношений с Максом. Послала бы его сразу, при первой встрече.

Потом сделала бы всё, чтобы Миша на буфетчиц не за-сматривался.

И родила бы ещё одного ребёнка лет десять назад.

Как жаль, что машины времени не существует. А может, и создали уже, но не для общего пользования.

Сын с Мишей вернулись домой поздно вечером. Димка уставший, но счастливый. После ужина сразу ушёл к себе и лёг спать, а не сидел в компьютере.

Муж посуду сам в посудомойку заложил, сам со стола всё убрал.

Зачем-то даже подмёл полы на кухне, хотя у нас хороший робот-пылесос и мусора на полу нет совсем.

— Это тебе. От нас с Димкой, — протягивает коробочку из ювелирного.

Даже в руки не беру.

— Чего ты добиваешься? — злобно шиплю, как затравленная змея. — Ты правда думаешь, что если начнёшь общаться с сыном, будешь покупать подарки и мыть посуду, я забуду, что ты уже больше года живёшь с другой женщиной?

— Какие больше года?! — возмущённо кидает коробочку

на стол. — Один раз было — и всё. Это ничего не значит. Ты просто не понимаешь, какого там, в море. Какого это — по полгода без женщины! Да, я сорвался. Я очень об этом сожалею, давай всё забудем. Это не повод рушить семью.

И тут мне сорвало чеку.

Я натурально взорвалась.

— Тебе было сложно?! Тебе? Старпому? Ты даже не матрос, тяжёлой работой не занимался! Просиживал штаны на мостике с капитаном — и всё! А я тащила дом, сына! Всё сама, никого о помощи не просила! Секса тебе захотелось? Не вытерпел? Ты знаешь вообще, как отсутствие секса влияет на женский организм? Почему принято считать, что мужикам это нужно, а женщинам нет? Секс нужен нам для здоровья! Потому что без половой жизни у женщин слабеют мышцы внутри, опускается матка, слабеет мочевого пузырь и начинает подтекать моча! А ещё проблемы с яичниками, с гормональным фоном, что сказывается на коже. Ты даже не представляешь, как болит живот, когда нет секса больше года! Что даже сидеть бывает больно! И я терпела! Не пошла на сторону — ради здоровья. Умирала от болей и тащила на себе дом! Умные женщины обзаводятся помощниками в виде секс-игрушек, а я терпела! Потому что мне ты нужен! А не силиконовые запчасти! Вам, мужикам, для поддержания по-

ловой системы достаточно мастурбировать! А женщине нужен член! Так почему до сих пор принято считать, что мужики могут изменять, что им это нужно, а женщинам нет?

От пламенной речи пересохло в горле. Иссохлась нервная система. Я высказалась, выложила всё, о чём молчала, — и ничего не осталось. Ни эмоций, ни чувств, ни боли.

Только грусть. Тоскливая грусть по нашей семье. По мужу. Который был.

Физически он здесь. В этой комнате. Стоит, сомкнув губы добела, скривив подбородок и пряча взгляд в пол, изучая рисунок ламината.

Такой же близкий и родной, только больше не мой.

— Я не дам тебе развод, — произносит тихо, но строго. Как будто мы обсуждаем поездку за город на выходные. — Я не позволю тебе рушить семью, поняла?!

— Мне? Это я? Я рушу семью? — опешив, тычу пальцем в грудь, шепчу затравленно. Голос исчез, дыхание спёрло от такой наглости.

Гулял он, а семью разрушаю я?!

— А кто? — толкает с претензией.

— Это я с буфетчицей изменяла?

— Что ты зацепилась за эту буфетчицу? Ты о ней столько говоришь, как будто сама влюбилась. Мне на неё вообще плевать. Было один раз — и всё. Забыли.

Шок на шоке от его логики.

Неужели и правда не понимает, что натворил?

Покидаю кухню, бегу от него, от этого бессмысленного разговора. Остаться в доме рядом с предателем нет больше сил.

Миша за мной.

— Куда ты собралась?! — рычит со злостью в спину.

— Я не обязана перед тобой отчитываться! — кричу на эмоциях. — Больше нет.

Он догоняет у входной двери. Злой и взбешённый. Хватает за запястье, чтобы удержать.

— Ты никуда не пойдёшь, — пытается приказывать, наивно полагая, что всё ещё имеет на это право.

Дёргаю руку, освобождаюсь с психом. Смотрю в его наглые предательские глаза и с трудом сдерживаюсь, чтобы не зарядить пощёчину.

Мы же взрослые люди. Разборки на эмоциях, истерики и скандалы остались в юности. Не хочу ругаться. Хочу мирно разойтись, без добивания остатка нервной системы выяснениями отношений.

— Ты мне больше не муж, — говорю это и ощущаю физически, как эти слова режут по сердцу нам обоим. Да, ему тоже больно. И ему тоже страшно. Такого убитого взгляда у Миши я ещё не видела. И мне больнее вдвойне, потому что переживаю и его боль тоже.

— Не говори ерунды, — просит тихо, болезненно. — У нас ребёнок, дом, семья. Ты не можешь просто взять и всё похерить из-за одной ошибки.

— Похерил ты, когда начал совать член в других женщин, — напоминаю спокойно.

Вижу на его лице отторжение. Он не принимает, не понимает, что из-за него всё. Искренне считает, что это я виновата. Что это я разрушаю семью сейчас. Не слышит меня и даже не пытается осознать.

Напряжённый воздух, в котором искрится наша ненависть и боль, разряжает звонок его телефона.

Миша вынимает мобильник из кармана, и я вместе с ним бросаю взгляд на экран.

Звонит Сара.

Без фото, без смайликов, без подсказок в имени. Но я чувствую позвоночником, что это она. И реакция мужа это подтверждает.

Он зависает на несколько секунд, пытаюсь понять, как реагировать на её звонок.

Этой заминки хватает для того, чтобы уйти из-под его эмоционального контроля.

Выхожу из дома, за ворота.

На улице уже темно. В посёлке нет нормального освеще-

ния, единственный источник света — луна.

Тихо.

Даже собаки соседей уже спят. Только где-то вдали протяжно и громко мяукает кот.

Иду вдоль дороги, между частных домов. Посёлок небольшой, всего три километра, и я уже через полчаса оказываюсь на трассе, ведущей в город.

Такси бы вызвать, но телефон, как и кошелёк, остались дома.

Возвращаться не хочется. От одной мысли, что придётся вновь столкнуться лицом к лицу с мужем, колючий мороз пробивает грудь.

В соседней деревне живёт моя подруга Вера. Всего каких-то пятнадцать километров по трассе.

Мы с Верой возим детей в городскую школу каждое утро, иногда меняемся: я подвожу её дочь, или она моего Димку. Обрато дети добираются на автобусе.

Надеюсь, подруга ещё не спит, смотрит какой-нибудь свой

турецкий сериал, пока её муж Вадим и дочка спят.

Решаю прогуляться пешком до соседней деревни.

Боль и разочарование в жизни блокируют страх. Идея идти пешком пятнадцать километров по ночной трассе не вызывает ни капли опасений.

Потому что уже всё равно.

Кажется, что хуже уже не будет.

Глава 6

Холодный ночной воздух освежает мысли, охлаждает лицо и тело. Спустя час становится холодно.

По влажному асфальту временами проносятся автомобили. Их гул слышно издалека. Сперва доносится рёв мотора, затем — свет фар.

Каждый раз ускоряю шаг в надежде, что никто не остановится и не пристанет с вопросами.

Водители сами осторожничают, не спешат тормозить у одинокой женщины, идущей по обочине в столь позднее время.

Большая часть пути пройдена. Определяю оставшееся расстояние до деревни по появившемуся на горизонте небольшому мосту через мелкую речушку с названием «Гнилая». Мост старый, ветхий. Из года в год слои ржавчины маскируют всё более толстыми слоями краски. На машине время пути до Веры занимает от силы 10 минут. А пешком оказалось довольно далеко. За это время я успела отрезветь от эмоций, сильно замёрзнуть и проклясть своё спонтанное решение сбежать из дома на ночь глядя. О чём думала?

На мосту немного задерживаюсь, развеиваю мысли в смазанном отражении луны на поверхности узкой мелкой реки. Свежий воздух бодрит. Но хочется плакать. Без истерик и жалости, просто тихо выплакаться о своём горе. О разрушенной семье, о предательстве мужа. Признаться себе в этой тишине в том, что мне на самом деле страшно и я сама не знаю, как жить дальше.

Если бы не весенний холод, то, наверное, разревелась бы тут, на мосту. Но замёрзшее тело требует двигаться, чтобы согреться. Приходится быстро идти дальше.

Как только схожу с моста, из-под него на трассу выходит собака. Не маленькая дворняга. Вышла посмотреть, кто это тут бродит по ночам.

Ускоряюсь. Пёс не выглядит опасным, но после всех новостей о нападениях собак на людей просыпается какой-то неконтролируемый страх, поднимающийся из глубины груди и окутывающий полностью.

Пёс не отстаёт. Следует по пятам на небольшом расстоянии.

Я слышу его шаги и цоканье когтей по асфальту.

Оборачиваюсь на ходу. Их уже трое.

И все идут за мной, преследуют, будто добычу.

Теперь уже натурально страшно. Молюсь, чтобы хоть какая-то машина проезжала мимо. Но, как назло, звуков автомобилей не слышно даже вдали.

Только журчание реки, что становится всё дальше, и сопение бездомных собак.

Оборачиваюсь.

Их много. Мелкие, большие, средние. Целая стая! Откуда повылазили?

Помню, что собаки чувствуют страх и могут напасть, если испугаться. Заставляю себя перестать бояться, но, учитывая обстоятельства, это сложно.

Собаки всё ближе. Постепенно сокращают расстояние между нами, приближаются.

Самая мелкая начинает лаять. Остальные подхватывают.

От испуга пускаюсь бежать. Псы кидаются. Рычат, выставив передние зубы, лают, окружают. Выпрыгивают вперёд, пытаются ухватить за ноги, но пока сильно не атакуют.

Оборачиваюсь вокруг, испуганно осматриваю злобные морды с опасными острыми клыками. Бежать некуда. Они поймали меня в кольцо.

Что делать-то?

Дура набитая! Сидела бы дома — ничего бы не случилось!

Уже вижу заголовки утренних новостей: «Женщину загрызли собаки».

Подбираю камень под ногами. Небольшой, так как больших нет. Замахиваюсь.

Камень летит мимо, а мой жест провоцирует собак на атаку. Первый пёс кидается на ноги, кусает. Второй прыгает вверх, целится в лицо. Отбиваюсь руками — он цепляется за руку.

Внезапно оглушает визг шин. Сверхъяркие фары слепят глаза.

На нас мчится огромный чёрный автомобиль, как надвигающаяся тень, как грозовое облако. Резкий сигнал отпугивает собак. Большая часть бросается бежать, но некоторые остаются. Слышу, как хлопает дверь автомобиля.

На свет перед капотом выходит Макс. В руках парня деревянная бита. Не разбираясь, без сострадания к животным, он наотмашь бьёт битой по собакам. Пинает ногами тех, кто прыгает на него.

Собаки визжат, воют и разбегаются.

Странно встретить Макса посреди ночи на пустой трассе. Странно встретить его снова.

— Не ранена? — закинув биту на плечо, проходитесь взглядом по моим ногам.

— Нет, вроде. Только штаны потрепали, — выдаю дрожащим голосом. Меня начинает трясти как больную. От шока, от перенесённого стресса.

— В машину садись, — говорит Макс. Сам закидывает биту на заднее сиденье и тоже садится.

В салоне сразу включает печку. От резкого потока горя-

чего воздуха окна мгновенно запотевают. Становится жарко, но меня всё ещё трясёт.

— С-спасибо. Т-ты м-меня спас... — обнимаю себя за плечи, скрестив руки на груди.

— Куда твой муж смотрит? Какого чёрта шарахаешься одна по трассе? — с наездом, грубо повышает голос, как будто я подчинённая, а он мой начальник.

Нет сил лепить маску счастливой женщины, чтобы пустить пыль в глаза бывшему.

— Я развожусь. Муж мне изменяет. И я совершенно не знаю, как жить дальше... — отворачиваюсь к окну, покрытому простынёй конденсата.

Макс молчит. Стучит большим пальцем по рулю, обдумывая, что ответить.

— Это не повод гулять одной по ночам.

— Знаю.

— Куда шла? Говори адрес, подкину.

— К подруге.

— Ночью? Уверена, что тебя там ждут?

— Не ждут. Макс, меня нигде не ждут... — закрываю лицо ладонями, глотаю острые слёзы.

Он переключает поток воздуха на стёкла, ждёт, пока они отпотеют, и трогается с обочины.

Машина мягко выезжает на трассу. Я всё ещё сижу, сжавшись, будто если расслаблюсь — развалюсь на части.

Через минуту он резко сбрасывает скорость.

— Куда? — хрипло спрашиваю.

Он не отвечает.

Съезжает с трассы перед мостом. Колёса шуршат по гравию, машина медленно катится вниз, ближе к реке. Там темнее, тише. Только вода негромко журчит, и ветер гуляет в кустах.

Он глушит двигатель.

Сразу становится непривычно тихо. Давяще.

Макс достаёт сигареты, щёлкает зажигалкой. Огонёк на секунду освещает его лицо — резкие скулы, щетину, тень под глазами, напряжённый взгляд.

Втягивает дым, выдыхает в сторону открытого окна.

— Говори, — спокойно произносит.

Как будто готов сидеть здесь и слушать меня, как друг.

А он ведь куда-то ехал. Его кто-то ждёт.

— Тебя, наверное, ждут, — озвучиваю свои мысли.

— Подождут ещё, — отмахивается интонацией и смотрит так, будто предупреждает больше не говорить глупостей.

Потираю ладони о колени, отвожу взгляд и усмехаюсь.

— Знаешь, я думала, что если мы когда-нибудь встретимся, то это будет точно не так.

— А как ты думала? — тихо, с ненавязчивым интересом.

— Что я подъеду к мусорным бакам на своём «Порше», чтобы выбросить вчерашние устрицы с фуа-гра, а там в одном из баков будешь сидеть ты.

Он резко выдыхает носом, тихо смеясь.

— А я вот не думал встретить тебя ночью на трассе как уличную проститутку, — кидает камень в мой огород.

Зато честно. Мне нравится честность, какой бы она ни была. И это странное чувство, когда не нужно следить за языком, не нужно думать, прежде чем что-то сказать, и можно говорить всё, что приходит на ум, без страха быть осуждённой. Мы не виделись 16 лет. Это почти половина моей грёбаной жизни, а невероятное желание довериться ему снова обнажает душу, открывает мысли.

— А как ты представлял нашу встречу? — спрашиваю, не подумав.

— Никак, — коротко и резко.

Заливаюсь краской мгновенно. Ну дура же! С чего взяла, что он вообще обо мне думал?

— Виделся с твоим батей на похоронах отца... — преры-

вается, чтобы затянуться горьким дымом. — Разговаривали с ним. Он сказал, что у тебя хороший муж, сын-спортсмен, да и в целом всё у тебя хорошо. Поэтому я не представлял, как мы встретимся.

Шок на шоке.

Я не знала, что отец Макса умер. Не знала, что мой папа ездил на похороны.

Смотрю на него и не знаю, как подобрать слова, чтобы выразить скорбь и поддержку.

Отец занимал значимое место в жизни Макса. В то время как его мать занималась важными делами, соответствующими статусу жены бизнесмена: ходила по магазинам, в салоны красоты, на выставки и в музеи, воспитанием Макса занимался его отец. Он был для него другом, старшим товарищем, наставником. Ещё тогда, во времена наших больных отношений, Макс всем делился со своим папой.

— Прости, я не знала. Соболезную... — сдавленно выталикиваю слова.

— Это жизнь, — отмахивается, позволяя мне не впадать в скорбную печаль. — Так что ты делала на трассе?

— Не знаю... Поссорилась с мужем и сбежала из дома.

— Как он тебя отпустил? — с явным обвинением в голосе и претензией, что я вышла за идиота.

— Я не отпрашивалась, — огрызаюсь. — Макс, а ты женат? Дети есть?

Он молча качает головой, затем говорит:

— Развёлся.

— Из-за чего? Тоже изменял?

— Встретил другую, — кивает и смотрит в глаза.

Непривычно вот так спокойно сидеть в его машине и разговаривать.

И в то же время невероятно легко.

Почему-то вспомнилось, как мы с ним впервые катались на машине.

— Помнишь, как мы у моего соседа Марка угнали? — смеюсь.

Мда, было и такое. Я на шухере стояла, пока Макс гараж вскрывал и заводил машину.

Тоже улыбается. Почти как раньше. Господи, я ведь когда-то умирала от этой улыбки.

— Я тогда первый раз за руль сел.

— Как это? — ошарашенно округляю глаза. — Ты нас по городу катал, пока бензин не закончился! — напоминаю, как он гонял, умолчав о том, чем мы занимались на заднем сиденье, когда машина заглохла.

По резко сменившейся атмосфере в салоне понимаю, что он тоже это вспомнил. И тоже промолчал.

— Ты хотела кататься, у меня не было шанса облажаться. Пришлось на ходу соображать, — отвечает.

Качаю головой из стороны в сторону, улыбаюсь, всё ещё поражаясь этой новости.

— Ты мог нас убить.

— Не мог, — спокойно и уверенно, как-то даже трагично

выдыхая дым перед собой. — Ты же рядом была, значит, не имел права на ошибку.

— Ты никогда не ошибаешься?

— Нет.

— А я вот ошиблась. Думала, что у меня хорошая семья, что муж меня любит. А он изменял.

— Повезло тебе, — говорит совершенно серьёзно, без тени шулки.

— В чём это?

— Некоторые так всю жизнь живут и не знают, с кем. А тебе хотя бы в морду прилетело.

Согласна с ним. Грубо, конечно, зато честно.

— Роль дочери, матери, жены отыграла. Теперь можешь становиться собой и жить так, как считаешь нужным, — кивает на окно и, усмехнувшись, добавляет: — по ночам гулять и с собаками знакомиться.

— Хорошее утешение, — усмехаюсь.

— Я вообще мастер утешать, — улыбается.

Мы говорили всю ночь напролёт, обо всём на свете, избегая тем, касающихся личной жизни. Я не спрашивала его о жене, сколько их было, как долго он был в браке. Он тоже не задавал вопросов о Мише. Я уже забыла, какого это — просто болтать с кем-то, не напрягаясь, не подбирая фразы. Не слыша своего голоса, не контролируя мимику лица. Как будто говорила душа, а не я.

— Слушай, мы вообще спать сегодня не собираемся? — усмехаюсь, подтягивая колени ближе к себе.

— А ты хочешь? — косо смотрит на меня Макс, затягиваясь.

— Не-а... — качаю головой. — Давно так... ни с кем не болтала.

— Я тоже.

Ненадолго замолкаем.

— У тебя сигареты не заканчиваются? — киваю на пачку в его руках.

— Заканчиваются, — спокойно отвечает. — Но пока хватает.

Он чуть улыбается.

— А ты изменилась.

— В какую сторону?

— Сложнее стала. Раньше проще была.

— Это комплимент или нет?

— Констатация.

Фыркаю.

— Ты тоже не особо поменялся.

— Да ладно?

— Всё такой же... — шурюсь, подбирая слово. — Самоуверенный.

— Это не изменилось, — кивает.

Невольно улыбаюсь.

— Ты про отца расскажешь? — осторожно спрашиваю после паузы.

Он некоторое время молчит, глядя в сторону.

— Умер, — коротко говорит.

— Я поняла... — тихо. — Как это случилось?

Макс затягивается, медленно выдыхает дым.

— Болел. Долго. Рак желудка.

Киваю, не перебивая.

— Мать сейчас в Италии живёт, — добавляет он. — Ей там комфортнее.

— А тебе?

— А мне без разницы, — пожимает плечами.

Сжимаю пальцы на коленях.

— Он ведь для тебя много значил...

— Да, — коротко.

Молчим.

— Прости, что не знала, — снова говорю.

— Ты и не обязана была знать, — спокойно отвечает он.

Перевожу тему.

— У меня родители... — вздыхаю. — Всё по-старому. Папа как всегда, работает сантехником, мама в кафе поваром устроилась.

— Живы — уже хорошо, — кивает Макс.

— Это да...

Пауза снова, но уже не тяжёлая.

— Помнишь, как мы... — начинаю и сама улыбаюсь. — Хотя мы уже это вспоминали.

— Много чего вспоминали, — усмехается он.

— Не думала, что хорошего было так много.

— Было, — соглашается. — Просто ты запомнила другое.

— Логично, — киваю. — Плохое всегда ярче.

— Потому что больнее.

Смотрю на него.

— Ты философом стал?

— Нет. Просто пожил, — отвечает спокойно.

— Слушай... — вдруг говорю. — А время сколько?

Он смотрит на приборную панель.

— Почти утро.

— Серьёзно? — выпрямляюсь. — Мы всю ночь проболтали?

— Похоже на то.

Смотрю в окно — небо уже светлеет.

— Обалдеть...

— Угу.

Несколько секунд молчим. Оба понимаем что пора расставаться.

— Макс... — поворачиваюсь к нему. — Отвезёшь меня до остановки у посёлка?

— Адрес не скажешь? — сразу спрашивает он.

— Нет... — тихо качаю головой. — Так лучше.

Он смотрит на меня, потом кивает.

— Как скажешь.

Молча заводит машину, молча везет меня в сторону дома.

— Здесь останови, — говорю, когда появляется нужная остановка.

Он притормаживает.

Я тянусь к двери.

— Подожди, — говорит.

Протягивает телефон. Новомодный дорогостоящий девайс. Кто бы сомневался.

— Номер свой вбей.

Секунду смотрю на него, терзаюсь сомнениями, потом беру телефон.

— Чтобы не искать тебя по трассам.— Усмехается.

Вбиваю номер, сохраняю, возвращаю ему.

— Спасибо, — тихо говорю.

— Давай аккуратнее, — отвечает он.

Киваю, выхожу из машины.

Холодный утренний воздух сразу обжигает кожу. Закрываю дверь.

Чувствую его взгляд на своей спине, что пробирается под

одежду, под кожу.

Не оборачиваюсь.

Через пару секунд слышу, как машина трогается и уезжает.

Глава 7

Раннее весеннее утро постепенно наполняется солнечным тёплым светом, запахом росы на траве, звуками скота, и разговорами пастухов, что ведут овец и коров на пастбище. В деревне жизнь начинается рано, с первыми петухами. И заканчивается рано, как только сгущаются сумерки. В большом городе жизнь кипит круглые сутки — много шума, много суеты. А здесь... Рай для психики. Тихо, спокойно, стабильно.

Иду от остановки по пыльному асфальту, в голове мысли жужжат, как сверчки, пойманные в стеклянную банку. И домой идти не хочется, потому что там Миша. Тяжело держать себя в руках и не заплакать, когда он рядом. Тяжело сдерживаться, чтобы не простить. А так хочется вернуться домой и чтобы всё было как прежде. Чтобы его измены оказались дурацким сном, не имеющим ничего общего с реальностью. Хочется выбирать купальник на отдых, обсуждать отель и план занятий на райском острове, а не пытаться выжить под тяжестью бетонной плиты из боли и страха перед будущим.

Хочется стереть себе память. Зачем я вообще поехала его встречать?!

Подхожу к воротам и не спешу заходить в калитку. Дом свой любимый со стороны разглядываю, изучаю, представляя себя на месте покупателя, обдумываю, что мне могло бы понравиться, а что оттолкнуть. Вот, например, ржавчина на козырьке над калиткой определённо портит внешний вид. Нужно закрасить.

Не хочу его продавать, хоть убейте. Не хочу!

Как будто кусок сердца вырывают. Тут же всё своими руками, всё как мне нравится, всё сама выбирала. За тротуарной плиткой в другой город ездила, потому что такой расцветки у нас не нашла, а она так подходит к фасаду!

Каждый софит, каждую плитку ламината подбирала под дизайн комнат на свой вкус.

В голову закрадывается идея поговорить с мужем. Может, в нём разыграется мужское достоинство, и он согласится съехать, оставив дом нам с Димой после развода. Я устраюсь на работу и буду выплачивать по частям его половину стоимости.

Было бы идеально.

На этом порыве захожу во двор и сразу впиваюсь взглядом в два посторонних автомобиля на участке.

Родители.

Мои и Мишины.

Здесь.

Сердце обрывается, дёргается, прячется в пятки от мыслей о том, что меня ждёт.

С порога налетает мама. Обнимает. Как будто я с войны вернулась.

Свёкры недовольно зыркают, не подходят. Здравуются холодно.

Напряжение в доме такое, что если спичку бросить — взлетит всё к чертям.

Миша тенью стоит, облокотившись о дверной косяк. Выглядит удручающе: серые мешки под красными глазами, впалые щеки. Даже мне его жалко стало, представляю, что чувствуют его родители.

— Миша, звони в полицию, скажи, что нашлась! — командует свекровь.

— В полицию? — удивляюсь.

— Мы не знали, что думать. Миша полицию вызвал, подали заявление о пропаже человека. Они только уехали, — торопливо объясняет мама. — Мира, где ты была? С тобой всё в порядке? — снова обнимает меня. — Ты начала курить? — отстраняется, пытливо заглядывает в глаза. — От тебя дымом несёт!

О, да. Было бы странно просидеть всю ночь в машине с курильщиком и не пропахнуть никотином.

— Нет, мама. Я не курю, — бросаю с раздражением. Мне уже 35 лет, а она всё как с маленькой. — Ну всё, я нашлась. Можете все ехать по домам. Нам с Мишей нужно поговорить, — настойчиво объявляю.

Никто не шелохнулся.

— Мы здесь как раз для этого, — бросает свекровь. — Миша сказал, что ты подала на развод. Это правда?

Вот оно что.

Решил обзавестись поддержкой в лице наших родственников. Сложно, очень сложно. Я ещё внутри себя этот факт не переварила, а вынуждена без оружия, без доспехов сражаться против всей толпы, отстаивать своё право на развод.

По взгляду свёкров понимаю, что они готовы меня растерзать. Агрессией смердит за километр.

Неприятно. Очень.

С самого начала наших с Мишей отношений его родители меня приняли, любили, всегда хорошо относились. А сейчас сверкают глазами со злостью, как будто я террористка, предала родину и все человечество.

Мама тоже волнуется, бледная, руки трясутся. Вот-вот заплачет.

Папа словно в танке. О том, что переживает, говорит только появившаяся глубокая продольная морщина на лбу. Она всегда появляется, когда он нервничает.

— Хорошо, раз вы всё знаете, предлагаю пройти на кухню и всё обсудить, — пытаюсь сохранять спокойствие. Где-то внутри кричит настоящая Мира о том, что наша личная

жизнь их не касается и что нужно послать всех в грубой форме подальше.

— А что тут обсуждать? — нервно дёргается свекровь. — Вам нельзя разводиться! Так что прекращай делать нервы Мише и заberi заявление!

Ищу поддержку в маминых глазах, а она взгляд отводит. Согласна со своей сватьей.

Гулко рычу на выдохе, прохожу мимо толпы родственников на кухню. Спокойного разговора не выйдет. Реально придётся отстаивать свои права, идти против их мнения и стать врагом.

Ну раз они этого хотят...

Благо Дима в школе, не является свидетелем этой вакханалии.

— Мам, это правда? — доносится голос сына.

Чёрт.

— Ты почему не в школе? — строго интересуюсь, проклиная мужа на чём свет стоит. Не мог отвезти ребёнка в город?

Один раз пропустила, расслабилась — и он не справился!

— Какая школа, мам, когда такое происходит?! — сурово, с убитым взглядом впивается в моё лицо.

Ему страшно и больно. А мне от этого херово, настолько, что тошнит. Душа сжимается в болезненных судорогах.

Я думала, что поговорю с сыном потом, в спокойной обстановке, без напряжения и нервов.

Но Миша решил по-другому. Задействовал все рычаги давления одновременно. И как мне это вынести? Кроме меня самой меня никто не защитит от их гнева, не спасёт от этих разборок.

Казалось бы, всё просто. Измена означает развод. В моём укладе видения мира это само собой разумеющееся. А на деле оказалось, что многие люди не способны принять это. Для них сам распад семьи куда страшнее, чем сама измена.

Родители в панике, и это мягко сказано. Как будто если мы с мужем разведёмся, то непременно оба умрём в тяжёлых муках.

Тяжелее всего ощущать в полной мере их гнев на своей

шкуре. Каждый! Каждый, кто здесь находится, считает меня виноватой в том, что семья рушится. Не Мишу, что жил в рейсе с другой женщиной. А меня!

Никто не думает о том, какого мне в этот момент.

А мне плохо, очень плохо. Но всё это перестаёт существовать, когда сын так смотрит. Все родственники, их вопли, истерики остаются за гранью моей связи с сыном. Маленький такой, а взгляд тяжёлый, как у взрослого. И тоже меня ненавидит...

Наверняка Миша успел навязать Диме своё видение происходящего, и теперь мне ни за что не пробиться сквозь эту фальшивую броню его обиды.

Как-то быстро все расселись за кухонным столом. Все готовы к важному собранию, где на повестке дня развод. В роли генерального директора выступает свекровь.

А это моя жизнь! Не их.

Моя!

— Мира, не дури. В жизни всякое бывает. Это не повод разрушить семью! Да если бы я в своё время развелась из-за то-

го, что Валера налево похаживал, сейчас бы и Миши не было! А мы уже 45 лет в браке! Сына, вон какого воспитали! Ты пойми, все мужья изменяют! Просто кто-то делает так, что жёны никогда об этом не узнают. Ну случилось так, что ты узнала. И что теперь? Сразу рубить с плеча? У вас сын растёт! Миша тебя всем обеспечивает, любит, ни в чём не отказывает! Ты пойдёшь поищи ещё такого, чтобы не пил и руки не распускал!

Голос свекрови влетает в одно ухо, проходит тупой нитью в голове и вылетает из другого. Я всё смотрю на Диму. Только его мнение мне сейчас важно. Только его переживания имеют значение.

Я мать. Я ради Диминого спокойствия и счастья много от чего отказалась. И сейчас готова. Только бы ему не было так больно, только бы не смотрел так диким волком. У него матч на носу — как он на лёд выйдет в таком состоянии?

— Мам... ты правда хочешь развестись? — Дима говорит тише, но от этого страшнее.

Тишина на кухне сгущается. Даже свекровь замолкает, словно кто-то перекрыл ей кислород.

Я медленно перевожу взгляд с его лица на стол. На свои

руки. Они дрожат, и я прячу их за спину.

— Я хочу жить честно, — говорю наконец, и голос звучит чужим. — И хочу, чтобы ты жил в нормальной семье, где не предадут.

— А сейчас, значит, ненормальная? — резко вмешивается Миша.

— Не переворачивай, — тихо, но жёстко отвечаю. — Ты всё уже сделал, когда решил, что можно жить на две семьи.

— Хватит! — ударяет ладонью по столу свёкор. — Вы ребёнка слышите вообще? Ему сейчас хуже всех!

— Мне нормально! — неожиданно взрывается Дима. — Мне было нормально! Пока ты... — он смотрит на меня, и в этом взгляде столько боли, что хочется исчезнуть, — ...пока ты не решила всё разрушить!

Слова ножом по сердцу.

— Я не разрушаю, — шепчу.

— Разрушаешь! — он вскакивает. Стул с грохотом отъезжает назад. — Ты всё ломаешь!

— Дима... — тянусь к нему, но он отшатывается.

— Не трогай меня.

Мама всхлипывает. Свекровь тут же подхватывает:

— Видишь? Видишь, до чего довела ребёнка?! Это ты виновата!

— Хватит! — впервые срываюсь я. — Хватит делать из меня чудовище!

Голос дрожит, но я уже не останавливаюсь.

— Он изменил мне! Он предал меня! Почему никто об этом не говорит?! Почему я должна это проглотить и делать вид, что всё нормально?!

— Потому что семья — это работа! — жёстко отвечает свекровь. — Это тяжёлый труд!

— А мне нафиг такая работа не нужна! — смотрю ей прямо в глаза.

Миша хмурится, сжимает челюсти.

— Да, я ошибся, — выдавливают. — Но я же извинился!
Я не хочу рушить семью, слышишь меня, Мира?! Не хочу!

— Почему ты раньше об этом не подумал? — горько усме-
хаюсь.

Дима стоит у стены, будто загнанный зверёк. И я понимаю
— сейчас решается не просто наш брак. Сейчас решается,
каким он вырастет.

— Сын, — тихо говорю, — я никуда от тебя не уйду. Слы-
шишь? Никогда.

Он молчит.

— Даже если мы с папой будем жить отдельно, я всё равно
твоя мама. Это не меняется.

— А папа? — спрашивает он, не глядя.

Я на секунду закрываю глаза.

— Он тоже твой папа. Это тоже не меняется.

— Тогда зачем всё это? — почти шёпотом. — Если ничего

не поменяется, зачем разводиться?

На этот вопрос у меня нет простого ответа.

Я не знаю, не понимаю, как ему объяснить. Вижу влагу, выступившую на глазах сына, и сама готова разрыдаться. Он же сильный, выносливый спортсмен. С пяти лет не плакал.

— Дим... — шепчу убитым голосом и тяну к нему руки.

— Не трогай меня! — опять брыкается. — Видеть тебя не могу! Если вы разведётесь, я останусь с папой! — кричит на эмоциях, уносится из кухни.

— Тебе даже сына не жалко?! — тут же прилетает очередная атака от свекрови. — О Диме подумай! Ты же психику ребёнку ломаешь!

— Уходите... — цежу сквозь сжатые зубы. — Уходите! — кричу почти истерически. Если не уйдут сейчас, я просто свихнусь. Разнесу кухню и точно кому-то врежу. Например, мужу.

— Да она не в себе! — обалдев от моего тона, высказывается свёкор.

— За языком следи, ты о моей дочери говоришь, — папа впервые подаёт голос. — Сказано вам — на выход, значит нечего пердаки отсиживать. Сами разберутся, не маленькие.

Он смотрит на меня, взглядом поддержку передаёт, и я сразу увереннее становлюсь.

Свекровь фыркает, хватает сумку. Свёкор что-то бурчит себе под нос, но всё-таки поднимается. Мама мнётся, переводит взгляд с меня на дверь, будто разрывается между двумя фронтами.

— Иди, мам, — тихо говорю, не глядя на неё. — Пожалуйста.

Она кивает, вытирает слёзы и спешит за остальными.

Дверь хлопает.

В доме становится оглушительно тихо.

Только часы на стене отмеряют секунды, будто отсчитывают новую жизнь, которая мне совсем не нравится.

Я стою посреди кухни и не двигаюсь. Сил нет даже сесть. Я думала что узнать о измене мужа – самое страшное что мог-

ло быть. Оказалось, самый ад начинается после, когда нужно бороться с близкими людьми, отстаивать свое право на свободу от лжи и предательства. Биться головой о лёд их нежелания видеть как мы разводимся и стараться не впасть в депрессию.

– Довольна?– раздражительно спрашивает муж.– Теперь видишь, к чему привели твои спонтанные решения?

– Миша... Иди нахер.– Устало выдаю. Бессмысленно тратить резервные силы организма на объяснения. Я итак с трудом на ногах держусь.

Глава 8

Я полностью разбита. Уничтожена моральным давлением родственников и похоронена ненавистью сына.

Бессонная ночь давит на виски. Слизистая глаз пересохла, веки как будто из песка, болезненно шкрябает по радужке.

Мне нужно поспать. Восстановиться. Но Миша ходит по пятам, продолжает давить вопросами, пытается, требует, чтобы я отказалась от своего решения. Оглушает словами о том, что Димка меня не простит, и что, если уйду, то сына больше не увижу.

Во всём доме от него не спрятаться. Не успела закрыть дверь спальни на замок — он и здесь меня доводит. Как будто хочет, жаждет истерики и фонтана слёз.

Идиот. Ненавижу!

Вот так просто, из близкого и самого любимого, за пару дней стал ненавистным врагом, к которому не осталось ни единого тёплого импульса. Убил всё своей выходкой с привлечением к разборкам родственников и замешиванием в эту грязь нашего сына.

Теперь уже точно нет. Не прощу.

Оказывается, развод — хорошее испытание не только для меня, но и для окружающих людей. Как быстро свекровь из любящей женщины, ставшей мне второй мамой, сменила любовь на ненависть. Как быстро сын забыл, что это я была с ним всё время, а папу он видел несколько раз в году.

Родители мужа любили меня, поддерживали, помогали, пока я была нужна их сыну. Но как только запахло разводом, сразу сделали из меня врага.

Пока пытаюсь найти в собственном доме укромный уголок, чтобы отдохнуть и восстановить силы, спрятаться от настойчивого внимания мужа, его мать обрывает телефон. Она не договорила. Хочет быть услышанной.

Я тоже хочу, но всем плевать.

Закидываю в рюкзак орущий мобильник, следом кошелёк и снова сбегаяю, как из осинового гнезда, где жалят без предупреждения.

На такси еду в город, в парк. Там тихо, спокойно. Особенно утром в будний день. То, что нужно, чтобы выключиться

на время и перезагрузиться.

В парке свежо, от леса веет молодой зеленью и запахом одуванчиков. Озеро в самом центре спокойное, по-утреннему сонное. Ветер как будто тоже ещё не проснулся, нет ни малейшего дуновения его любопытного дыхания. Иду по выстланному деревом пирсу, мечтаю увезти эту тишину и умиротворение весенней природы с собой. Чтобы всегда было так спокойно.

И хочется чего-то. Далёкого из детства, когда была маленькой. Когда из проблем были плохие отметки в школе и то, что подруга не слушает со мной Аврил Лавин.

Заворачиваю в местный магазин, покупаю банку сгущёнки, самой вкусной белорусской. Заказываю стакан чая без сахара.

Возвращаюсь к озеру, занимаю одну из многочисленных пустующих лавочек.

Горячий чай вприкуску со сгущёнкой — лет 20 так не ела. А в детстве могла за раз выпить всю банку, как газировку.

Обжигаю губы крепким чаем из картонного стакана. Горячий мокрый пар поднимается вверх, щекочет лицо. Про-

вожу пальцем по металлической крышке банки. Тяжёлая, холодная.

Ну дура же!

Где я открывалку возьму?

— Дай сюда. — раздаётся рядом.

Вздрагиваю от прошивающего нутро разряда электричества.

Макс! Стоит возле скамейки, как будто всегда здесь был. Немного помятый после бессонной ночи в машине, в той же одежде. Мы словно не расставались.

Онемев от шока, послушно протягиваю банку.

Макс вынимает из кармана складной нож, щёлкает кнопкой, и холодная сталь ловит солнечный блик, что пробегается по лезвию. Два точных удара с противоположных сторон на крышке — и банка возвращается в мои руки.

— Готово, — усмехается. Запрыгивает на лавочку, как подросток, садится на спинку, примостив ноги на сиденье.

Как ни в чём не бывало сосредоточенно вглядывается в водную гладь городского озера.

— Ты следишь за мной? — спрашиваю сразу, как возвращается способность говорить.

— А если и так, то что? — бросает ровным тоном, без каких-либо подсказок в голосе на то, что это шутка или же серьёзное признание.

— Как минимум, это странно. — качаю головой. Прижимаюсь губами к холодному металлу, делаю несколько глотков сгущёнки. Сладкая, тягучая, забивает все рецепторы. Липкая и вкусная! Как в детстве. Моё внутреннее состояние значительно улучшается. Нахлынула волна тёплой стабильности из детства. Затем запиваю приторную молочную сладость крепким чаем.

Кайф.

— Поделишься? — Макс тянет руку к банке. Точно так же делает несколько глотков и возвращает.

Тихо. Спокойно.

И мы с ним, на лавочке в парке, пьём чай из одного ста-

кана, как будто не было между нами 16 лет разлуки.

— Чем ты занимаешься? — спрашиваю.

— Провожу время с чужой женой.

— Я не об этом... В общем, по жизни. Кем работаешь?

Он затягивается, выдыхает дым, чуть щурится на солнце, что с каждой минутой становится всё ярче и теплее.

— Фермерством, — ровно, выдувая дым.

Я замираю с банкой у губ.

— Чем? — переспрашиваю.

— Фермерством, — повторяет спокойно.

Не выдержав, начинаю смеяться. Громко, в голос, закинув лицо к небу.

Макс всегда был сказочным вруном. На этом свете мало людей, способных разделить его слова на правду и вымысел, потому что врёт он искусно, так, что сам Константин Станиславский поверил бы.

— Ты? — смотрю на него сквозь смех. — Серьёзно? Коровы, куры, трактор и ты?

— Очень смешно, — без обиды отвечает. — Между прочим, это хорошие бабки.

Я приподнимаю брови.

— Да ладно?

— У меня сейчас... — он на секунду задумывается, будто считает в голове, — около трёхсот кур, штук двадцать страусов... и кенгуру.

Я даплюсь воздухом.

— Кенгуру?!

— Ага.

Он говорит это так спокойно, будто речь о картошке.

— Подожди... — я даже поворачиваюсь к нему всем корпусом. — Где ты их вообще взял?

— Завёз, — пожимает плечами. — Сейчас это не проблема.

— И что ты с ними делаешь? Прыгаете вместе по полю?
— снова смеюсь.

— Едим, — невозмутимо отвечает он.

Я моргаю.

— В смысле... едите?

— Мясо, — поясняет. — Нормальное. По вкусу как баранина. Даже мягче.

Я смотрю на него, пытаюсь понять, шутит он или нет.

Он не улыбается.

И от этого становится ещё смешнее.

— Ты сейчас серьёзно? — всё ещё не верю.

— Абсолютно, — кивает он. — Их хорошо берут. На фабрики, на заготовки... в те же пельмени. Себестоимость ниже, чем у обычного мяса.

Он говорит об этом так уверенно, так спокойно, будто читает лекцию.

И я... почему-то начинаю верить.

— Господи, — выдыхаю, снова улыбаясь. — Я вообще не представляю тебя в этом всём.

— А зря, — усмехается он. — Там деньги крутятся нормальные.

— То есть ты теперь... фермер-бизнесмен? — прищуриваюсь.

— Есть такое.

Я качаю головой, делаю глоток сгущёнки и тут же запиваю чаем. В моменте ловлю горький привкус никотина, оставшийся на стакане после его губ.

Сладко. Горячо. Странно.

Как и всё, что сейчас происходит.

— У тебя есть дети? В прошлый раз ты не ответил, —

увожу свои мысли в другое русло, чтобы не думать о его губах и о крышке стакана, что пахнет сигаретами.

— Королевская пара, — усмехается, подкуривая новую сигарету. — Сыну 10, дочери 6.

— Они с бывшей женой?

— Да, в столице. У Вероники там свой бизнес по производству косметики. Дети с ней.

— Крутая она у тебя. Я только сыном занималась, времени ни на что не хватало. Теперь не знаю, где работу найти и как после развода жить. А твоя жена с двумя детьми бизнесом управляет.

— Ну да... — согласно кивает. — Только бизнес ей я наладил, а у детей няня есть.

— Как дети на развод отреагировали?

— Ровно. Я не сказать что хороший отец, постоянно по разным городам, в командировках. Видимся иногда. Им вроде хватает.

— Давно в наш город вернулся?

— Лет 5 назад.

— Почему сюда?

— Про Дальневосточный гектар слышала? Получил, ферму отстроил. Занимаюсь.

— Понятно. — киваю.

Всё ещё представляю, какой жалкой дурой выгляжу на фоне его бывшей жены.

— Кстати, по поводу работы. Ты же на дизайнера училась, диплом вроде есть.

— Есть, а толку? Им только ножку шкафа подпирать.

— У меня кореш держит рекламное агентство, я поговорю, чтобы тебя взяли.

— Правда? А если я не потяну? Сейчас и программы новые, и всё по-другому... И тебя напрягать неудобно.

— Неудобно шубу в трусы заправлять, — подмигивает. Бросает взгляд на дорогие наручные часы и стягивает уголок

губ в сторону. — Мне пора. Подбросить?

— Отвези меня в любую гостиницу, хочу поспать в тишине.

Его огромный «Прадик» тенью притаился на обочине возле парка. Выглядит слишком сурово и неестественно для яркого весеннего утра.

В салоне пахнет сигаретами, кожей и охрененной вонючкой с ароматом богатства, уверенности и стойкого спокойствия.

Пристёгиваюсь, прижимаюсь лбом к холодному чёрному стеклу.

Макс заводит машину, из колонок тут же раздаётся музыка, льётся по салону, бьёт по ушам громкостью и по психике — воспоминаниями...

Играет песня Гуфа «Ice Baby», что в своё время была гимном нашей больной любви.

И вот мне снова 18. Я снова безумно, до крика в темноте, до разрыва аорты люблю своего скейтера. Мы сидим в подъезде на подоконнике и слушаем этот трек на стареньком

«Сименсе».

Макс тыкает в панель и делает тише.

Моргаю, смотрю на него.

Давно уже не скейтер и далеко не рэпер. Серьёзный взрослый парень. Даже дети есть. Ферму развёл, бизнес мутит. С возрастом только лучше стал. А я?

А я только постарела...

Отворачиваюсь от него, молча закрываю глаза. Слушаю музыку, думаю о том, что лучше бы не встречались сейчас. Лучше бы он запомнил ту — молодую, красивую, яркую, с характером...

Просыпаюсь резко. Не понимаю, где я и кто.

Голова тяжёлая, будто свинцом налитая. За окнами ночь. Темень, помноженная на тонировку стёкол.

Сколько я проспала? На мне его мастерка...

Не стал будить, укрыл. А он ведь торопился куда-то...

— Почему ты меня не разбудил? — стягиваю его мастерку.

Макс сидит за рулём, вонзив локоть в кресло, прижав два пальца к виску. Глаз с меня не сводит. Интересно, он всё это время так паялся? Надеюсь, я не храпела ни одним из имеющихся в теле отверстий.

— Не захотел. — коротко отвечает. — Выспалась?

— Который час?

— Почти девять.

— Где мы?

— На парковке гостиницы.

— Спасибо... Я... пойду. — дёргаю ручку двери и вываливаюсь на улицу. Тело ещё не отошло ото сна — вялое, тяжёлое, непослушное. Зато мыслей в голове ровно ноль. Только слабый гул крови, что движется по сосудам.

— Провожу, — объявляет в догонку, выходит следом.

От мыслей о том, что мы с ним вдвоём идём в гостини-

цу, по телу пробегают мурашки. Чувствую себя изменщицей.
Неприятно. Муж и сын дома, а я...

Глава 9

Макс снимает для меня номер, провожает до двери и заходит так, как будто это его личная территория. Небрежно кидает пластиковую карту-ключ на стол, тут же набирает номер в телефоне и заказывает шампанское.

— Зачем? — натянув на лицо строгость, интересуюсь. Я уже мысленно борюсь с тем, что меня ожидает. Рву глотки своим выплывающим на поверхность тайным желаниям. Устоять бы...

— Почему нет? Тебе нужно расслабиться. — Макс садится в кресло, пробегается взглядом по номеру и тормозит на кровати. — Нормальный номер, на одну ночь сойдёт.

Слова звучат двусмысленно в моём воспалённом мозгу. Мне кажется, что он намекает на секс, и я начинаю искать подтверждение своих мыслей в его взгляде, в голосе, в движениях. А ведь я ещё замужем!

Нет, сперва нужно официально развестись, уже потом пускаться во все тяжкие. Только после этого мимолётный секс с бывшим можно рассматривать как что-то реальное. А

пока это всё просто мои мысли и влажные фантазии. Почему влажные? Потому что я уже вспомнила, во всех подробностях, как это было у нас с ним раньше. Он был первым. И единственным, с кем было так кайфово. Настолько ярко. Мы не играли — мы горели. Без стеснения, без границ, с одинаковой жадностью друг к другу. Нам было мало. Всегда.

Интересно было бы узнать, какой он теперь. И проверить, гожусь ли я ещё на что-то.

Шампанское принесли быстро.

Макс разлил алкоголь по бокалам, мы чокнулись и молча выпили. Пузырьки ударили в нос, и сразу стало легче дышать. Груз ответственности, что я тащила на плечах, значительно полегчал.

— Подала на развод? — спрашивает, тоже расслабившись.

— Да, но муж против. Втыкает палки в колёса. Настроил сына против меня, грозит забрать его насовсем.

— Пусть забирает.

— С ума сошёл? Как это — пусть забирает? Это мой сын!

— Сыну сколько?

— Тринадцать.

— Не маленький. Пацану мамка уже не нужна. Хочет быть с отцом — пусть будет. А если не захочет, то его никто не заставит.

— Как у тебя всё просто.

— Это ты привыкла всё усложнять.

— Тебе просто не понять этого. Я мать. Он мой сын. Я должна быть рядом, нужна ему.

— С батей поживёт — сам потом прибежит. Там ему никто стирать и готовить не будет.

— А если не прибежит?

— Значит, ему с батей хорошо. Ты ведь этого хочешь — чтобы твоему сыну было хорошо?

— Да... но...

— Что «но»? То, что ты думаешь, что он без тебя помрёт, — это твоё сугубо личное мнение. А парню отец нужен, а не твои борщи с пирогами. Поверь, я знаю по себе. Пацанам мать нужна до определённого возраста, потом они сами двигаются.

— Ты всегда такой? Циничный?

— Кто-то должен.

— Раньше ты был более эмоциональным.

— Раньше я был ребёнком. Не сравнивай.

Мы выпиваем ещё по бокалу. Затем ещё. Бутылка заканчивается, Макс заказывает ещё одну. А напряжение не падает. Всё так же шарашит по нервам.

Зато я его больше не боюсь, нет. Я боялась того жутко ревнивого, распускающего руки, неуравновешенного парня. А его больше нет. Весь мой многолетний страх испарился, превратился в пыль, и я в моменте осознала, что зря боялась встречи. Я ведь боялась даже не его самого, а того, что весь тот ад повторится. Что я снова окажусь в том тёмном царстве и больше не смогу из него выбраться.

Мы просто старые знакомые. Может, чуть ближе, чем хотелось бы. Всё-таки нас связывает общее прошлое, общая драма. Но об этом, кажется, кроме меня, никто не помнит.

— Серьёзно, Мира. Дай пацану свободу. Насильно мил не будешь, понимаешь? Если хочет быть с отцом, в этом ничего страшного нет. Поживёшь для себя, свою жизнь наладишь. Сын подрастёт, сам всё поймёт. Если захочет вернуться — вернётся. — Макс говорит спокойно, уверенно, как будто уже прожил несколько жизней и всё знает. И, чёрт возьми, в его словах есть логика.

— Не знаю... может, ты и прав.

Киваю обречённо. Наверное, пьяная. Наверное, в полном ауте. Потому что шампанское уже шипит не в горле, а в голове. И хочется, до дрожи в коленках, необдуманных поступков.

Встаю со своего кресла и подхожу к нему, беру его за руки, тяну вверх, чтобы поднялся.

— Давай потанцуем! — смеюсь.

— Здесь нет музыки, — напоминает серьёзным видом, но всё же встаёт.

Без лишнего подтекста, без сексуального намёка прижимает обе руки к моей пояснице. Как будто ему всё равно.

А мне?

Нет. Меня уже обдало жаром воспоминаний. Алкоголь развязал руки, и я почти не контролирую свои действия. Почти.

Обнимаю его за плечи, прижимаю щеку к груди.

Вдыхаю его запах — дорогой, надёжный, как швейцарский банк. С примесью горького никотина и свежести весенней ночи.

Мы танцуем. Медленно, ритмично, без музыки. Он потрясаясь двигается. И мне очень хочется узнать, о чём он думает, что чувствует сейчас.

Раньше я понимала его эмоции без слов. На каком-то невидимом энергетическом уровне. Даже на расстоянии чувствовала его планы, где он и чем занимается. А сейчас... сейчас не понимаю, нравлюсь ли ему.

Интересно. А я вообще могу кому-то нравиться сейчас?

В этом возрасте, в этом теле? Могут привлекать мужчин как сексуальный объект?

Боже, что за мысли...

И всё же хочется поверить. Убедиться, что я ещё жива.

Подняв голову, тянусь к его губам.

Макс замирает, напряжённо дышит. Его пальцы крепче охватывают поясницу, ладони становятся жёстче.

Вижу, как дёрнулся его кадык и задрожали ресницы.

— Трахни меня, — шепчу в его губы.

Он отпускает, разжимает руки и возвращается в кресло. Закуривает. Смотрит на меня с усмешкой, как будто хочет унижить.

Этот взгляд — прямой удар в гордость. Нокаут.

— Ты напилась, — хрипит на выдохе, наполняя гостиничный номер серым дымом.

— Не трахаешь пьяных? — с задетым самолюбием подхо-

жу к окну. Больно быть отвергнутой. Особенно сейчас, когда так необходимо почувствовать себя желанной. За всё время моего замужества со мной никто не флиртовал, не пытался познакомиться.

Может, и правда неликвид.

— Только тебя, — признаётся.

Не боится задеть и сделать больнее. Вообще не думает о чувствах других людей. Это в нём не изменилось.

— Ладно, — киваю. Теперь хочется задеть его в ответ. — Не хочешь ты — найду того, кто захочет!

— Например?

— Например?.. — ненадолго задумываюсь. — Например, Егор! — отхожу от окна, чтобы взять со столика свой телефон, пишу Егору сообщение.

— Что за кент? — железным голосом, с откровенной неприязнью к имени.

— Бывший. Встречались пару месяцев, до того как я познакомилась с мужем. — Вываливаю на Макса все подроб-

ности нашего короткого романа, который и романом назвать нельзя. — Егор развёлся три года назад, нашёл меня в социальных сетях, с тех пор мы общаемся по переписке. Ни разу не виделись вживую, только дружеское общение в чате. Но он не раз просил о встрече. Всё время говорит, что я была самой яркой девушкой в его жизни и что со мной у него был самый лучший секс. Думаю, он не откажется.

Пишу Егору: «Спишь?» — и отправляю.

Сквозь синий туман алкогольного опьянения прорывается голос совести, напоминает, что мне будет стыдно завтра. Перед Егором — он ведь ни разу не намекал ни на какие отношения в настоящем. Только вспоминал прошлое, потому что во всей его жизни наши отношения были самым ярким периодом. И перед Максом тоже будет стыдно за своё поведение. Чёрт, я ведь не малолетка, чтобы так себя вести.

Макс молчит, как будто ему всё равно. Как будто я разговаривала со стеной всё это время. С застывшей усмешкой, унижающей моё женское достоинство, спокойно курит, смешивая никотин во рту с кислым шампанским.

— И чё, этот Егор? Приедет? — интересуется.

— Спит, наверное, — вздыхаю, убирая мобильник, при-

нимая поражение.

— Тебе тоже не помешает, — отвечает, поднимаясь с кресла. — Номер оплачен, отдыхай. Утром заеду. — Бросает как бы между делом, направляясь к двери.

— Зачем? — кричу, чтобы услышал.

Вместо ответа слышу грохот хлопнувшей двери. Такой сильный, словно он швырнул её со всей силы.

Показалось?

Да, конечно. Но хочется думать, что я всё-таки смогла вывести его на эмоции.

Телефон подаёт сигнал о входящем.

Читаю сообщение от Егора:

«Не сплю. Есть предложения?»

«Давай встретимся?» — печатаю и сразу отправляю, пока не передумала.

Егор:

«Что-то случилось?»

Я:

«Развожусь с мужем»

Егор:

«Ну наконец-то! Куда подъехать?»

Пальцы бегло скачут по сенсору телефона, набирая адрес гостиницы. Внезапный, настойчивый, требующий стук в дверь сбивает с мыслей.

Открываю.

Макс врывается смертоносным вихрем. Сбивает с ног, напористо прижимает к стенке шкафа-купе у двери. Ни секунды на раздумья. Ни мгновения, чтобы одуматься. Лишает кислорода жадным, голодным поцелуем. Его мягкие, нежные губы терзают мои до сладкой, мучительной боли. Уверенный язык настойчиво заполняет рот. Это не поцелуй — это нападение, захват.

Мамочки, голова-то как кружится!

Макс завоёвывает моё тело, расширяя границы, а я, как тряпичная кукла, как бесхребетное существо, всё это позво-

ляю. С радостью и желанием отдаюсь его губам, подчиняюсь его стремительному напору, не думая ни о чём. Мы вместе куда-то уплываем.

Моя спина скользит по гладкой дверце шкафа в сторону. Макс за мной, не отрываясь от губ, ослепший от эмоций и кайфа, пытающийся ухватить еще немного.

И мы падаем.

Пушистый, довольно толстый, мягкий ковёр из длинного молочного ворса смягчает падение.

Я смеюсь — и смех отрезвляет.

Макс встаёт, помогает подняться мне. Притягивает к себе, обнимая за талию одной рукой. Не нападает больше — просто смотрит. Изучает глаза. Долго задерживается на губах. Кончиками пальцев, едва касаясь, проводит по моему вспотевшему лбу, убирая волосы в сторону. Его взгляд фиксируется на моей правой брови. Там есть маленький, почти незаметный шрам, оставленный когда-то его кулаком. Он проводит по брови большим пальцем, мягко и нежно. Я знаю, что он помнит. Он знает, что я не забыла. Но говорить об этом вслух кажется непозволительным. Большой палец скользит ниже, по скуле, до подбородка и срывается вниз, как с обры-

ва.

Макс прячет руку в кармане. Отходит немного. Отрезвляющий кислород бьёт по лицу, и мне это не нравится. Я хочу продолжения. Я готова!

— До завтра, — прощается Макс, уходит.

Сползаю обратно на ковёр, прижимаю холодные ладони к пылающим щекам.

Да, так правильно. Хорошо, что хоть один из нас не потерял контроль.

Глава 10

Утром в телефоне фестиваль из пропущенных с разных номеров от всех родственников, вперемишк с сообщениями, среди которых голосовые от Егора.

Адрес я ему так и не скинула. Хорошо, очень хорошо.

На удивление голова лёгкая, не болит. О похмелье напоминает лишь неприятный привкус во рту и лёгкая слабость во всём теле.

Стыдно за своё поведение. Не так чтобы вешаться, но неприятно. Нужно вернуться домой, к своим.

Хватит прятаться от реальности и убегать из дома как пубертатный подросток. Это взрослая жизнь, мать её, и я должна всё выстоять твёрдо на ногах, а не ломаться от каждого скандала.

Макс обещал заехать... Нет, он сейчас никак не вписывается в мою вселенную. Может, потом, после развода, когда я встану на ноги, можно будет продолжить дружеское общение, но не сейчас.

Я всё ещё возбуждена от одного поцелуя. Чувства ском-

каны, неразборчивым мотком в груди пульсируют. Приносят сладкую томительную боль и необузданное желание испытать это снова. И снова. И снова... Как в юности, когда целовались ночи напролёт, без передышки.

Не думала, что взрослые женщины способны испытывать нечто похожее. Всегда казалось, что эти эмоции только для молодых, для горячих, безрассудных.

На такси еду домой. По пути разгребаю сообщения в телефоне, отвечаю всем, чтобы не волновались. Извиняюсь перед Егором, признаюсь, что выпила лишнего. Он отвечает, что так и понял, обиды не держит. Предлагает свою дружескую поддержку. Договариваемся вечером посидеть в кофейне.

Ещё недавно даже мысли о том, чтобы пойти с другом в кафе, вызывали протест всего организма. Я не хотела компрометировать свою репутацию верной жены моряка дальнего плавания. Потому что знаю, что многие их жёны не такие честные, и многие заводят любовников. Мне казалось непозволительным бывать в мужской компании без Миши, даже если там кроме дружбы ничем не пахнет.

А теперь муж развязал мне руки. Запахло свободой, и мне это нравится. Я словно и не жила все эти годы. Просто суще-

ствовала где-то между стиркой, уборкой, интересами сына и вечным ожиданием мужа из рейса.

А сейчас проснулась.

Снова живу!

Впервые за долгое время губы трогает искренняя улыбка.

Я справлюсь. Со всем, что уготовано. Выстою.

Миши нет дома, от этого становится легче дышать.

Дима в школе, затем у него тренировка. Дом в моём рас-
порядке. Навожу порядок, готовлю ужин, принимаю ван-
ну. Снова ловлю тяготеющую тоску от того, что придётся
уехать и продать дом.

Почему-то с этим никак не удаётся смириться.

После обеда возвращается Дима.

С цветами. Небольшой букетик из пяти ирисов, сорван-
ных на клумбе у местного магазина. Там есть камера, и на-
верняка за этот поступок придётся отвечать мне. Но я не ру-
гаюсь. Просто в уме прикидываю, сколько денег нужно будет

отдать в качестве компенсации и какими словами оправдать сына.

— Мам, это тебе... — протягивает исхудалый букет.

Сын ростом с меня, даже немного выше. А на коньках так вообще почти на голову. Но такой маленький, ранимый.

— Прости меня, я не хотел грубить. — Слова даются подростку с трудом. Он толкает их как тяжёлые брёвна из горла.

Вижу, что сильно переживает, грызёт себя чувством вины за те слова, что так больно ранили нас обоих.

Обнимаю его, прижимаю голову к груди, глажу спину. Каким бы большим ни был, для меня всегда останется маленьким.

— Всё в порядке, — обещаю тихо. — Мой руки, я обед приготовила.

Ваза для букета слишком большая, поэтому ставлю цветы в стакан.

Сажусь за стол вместе с Димой, наблюдаю, как сын с аппетитом уплетает борщ. Всегда голодный после тренировки,

готов быка съесть.

— Мам, — вытирает губы салфеткой и смотрит в глаза.
— Ну все же могут совершить ошибку. Ты сама говорила, что нужно давать шанс тем, кто один раз оступился.

— Сын, это другое.

— Почему ты не хочешь понять?! — взрывается. — Дай папе шанс! Всё наладится, вот увидишь!

Мы с ним говорим на разных языках. Как будто с разных планет, представители разных цивилизаций.

Киваю на цветы в стакане.

— Дима, какого цвета ирисы?

Сын немного задумывается, пытаюсь понять, к чему этот вопрос, и всё же отвечает:

— Жёлто-сине-фиолетовые.

— Вот в этом и разница, понимаешь? Между взрослыми и детьми. Спроси у любого взрослого, какого цвета ирисы, он скажет, что фиолетовые. Не потому, что он не видит этих

жёлтых линий и синих вкраплений. А потому, что он фиксирует итоговый результат, а по итогу цветы всё же фиолетовые. А дети будут до хрипоты спорить, доказывать всем, что там есть жёлтый, синий, оранжевый... А мне уже лень этим заниматься. Так и в этой ситуации, понимаешь? Ты просишь дать папе шанс, попробовать простить. Но я уже знаю, что будет дальше. Прежней семьи всё равно не будет, мы пройдем какой-то отрезок пути вместе и всё равно расстанемся. Я просто вижу по итогу, что из этого получится, и не хочу тратить силы.

— Тебе просто проще всё разрушить!

— Нет, сын. Проще было бы простить.

— Значит, не передумаешь? Я смогу видаться с папой после того, как вы разведётесь?

— Конечно, о чём речь вообще. Мы разводимся друг с другом, а не с тобой. У тебя по-прежнему будут твои мама и папа. Просто они не будут вместе, вот и всё. Для тебя почти ничего не изменится. Ты так же будешь жить со мной и проводить время с папой, когда он не в рейсе.

— Всё равно это какое-то дерьмо...

— В жизни бывает всякое.

Сын после обеда убегает к друзьям, а я пытаюсь разобраться с квитанциями. За всеми этими разборками пропустила оплату Диминых кружков и коммунальных услуг. Захожу в приложение банка и, зависнув, гипнотизирую крайне маленький баланс.

Миша не перевёл мне деньги в этом месяце. Обычно после рейса всегда закидывает на мой счёт большую часть зарплаты, но не в этот раз.

Звоню ему.

Не для себя ведь прошу, а для нашего общего сына, которого он ещё вчера грозился забрать.

— Да, — бурчит в трубку.

— Миша, сегодня нужно оплатить Димкины кружки.

— Ну так оплати.

— У меня нет денег, переведи на карту, я оплачу.

Смеётся в трубку. Неприятно так, до мерзости.

— Ты же разводиться собралась. Говорила, на работу пойдёшь. Вот и оплачивай сама, посмотрим, как ты справишься. — Продолжая смеяться, словно он уже победил в этой схватке, отключает звонок.

Гад!

Надеется, что я прибегу к нему ради выгоды.

Тут же приходит сообщение от Димы, просит закинуть денег на карту. Они с друзьями хотят съездить в город в кино.

Если скажу ему обратиться к папе, папа наверняка пнёт обратно, чтобы в очередной раз ткнуть меня лицом в свою несостоятельность. А я не хочу, чтобы в этой ситуации Дима чувствовал себя мячиком для пинг-понга.

Перевожу ему всё, что осталось на счёту. Сгребаю все свои золотые украшения, еду в ломбард.

Закладываю всё своё золото, не жалея даже украшений, подаренных свекровью. Утешает мысль, что это всё ради их внука. Так же снимаю с себя золотые серьги и кольца, включая обручальное.

Сумма вышла в три раза ниже стоимости украшений, но на первое время должно хватить.

Макс обещал помочь с работой. Надеюсь на него, больше не на кого.

После ломбарда еду в кофейню, где условились встретиться с Егором. Простое дружеское общение сейчас как нельзя кстати.

В кофейне пахнет корицей и ароматным кофе. Здесь подают только напитки и десерты, выбор которых совсем скудный.

Зато атмосфера душевная, тёплая. Вишнёвые стены украшены картинами с изображением кофейных зёрен. Маленькие деревянные столы и неудобные стулья, чтобы гости не засиживались, стоят у панорамных окон, что отделяют светлое помещение кофейни от вечерней темени на улице. Пробегаюсь взглядом по посетителям в поисках Егора, но вместо знакомого парня спотыкаюсь о более завораживающую картину.

Мой почти бывший муж сидит за маленьким столиком, выглядит нелепо, учитывая его габариты и суровость взгляда, присущую морякам. Вся атмосфера заведения буквально

кричит о том, что он не вписывается в обстановку. Как деталь «Лего Дупло», воткнутая в «Лего Гарри Поттера». Но его это ни капли не смущает. Ни неудобный стул, ни какого-то хера ванильный латте с дубайским чизкейком, что стоят перед ним. К слову, муж всегда называл петухами мужиков, которые позволяют себе пить кофе со сливками. И к десертам был равнодушен.

Всё потому, что напротив, за тем же столиком сидит его молодая любовница.

Нет, конечно, я не поверила его сказкам о том, что у них было один раз и он раскаивается. Но зачем тогда трепал мне нервы все эти дни?

— Мира, давно ждёшь? — Егор только зашёл, сразу увидел меня и подошёл.

Вот бывает так, что с возрастом люди совсем не меняются. Егор из их числа. Да, ему не двадцать, каким я его запомнила. Но он совсем не изменился! Такой же худой, высокий, темноволосый. Даже лицо не изменилось, ну может, немного серьезнее стало.

— Нет, только пришла, — отвечаю, переключив внимание на Егора.

Мы вместе проходим в зал, и я, проявив инициативу, сажусь за столик прямо напротив Миши. Интересная ситуация складывается. Любопытно, как он будет выкручиваться. И почему-то хочу, чтобы он тоже меня увидел и Егора заметил.

Глава 11

Егор что-то говорит, рассказывает о дочке. Ей всего пять, живёт с бывшей женой.

Да, так чаще всего и бывает. После развода дети остаются с мамами. В то время как отцы могут наслаждаться свободой, помогая ребёнку выплатой части своей зарплаты. Некоторые и это считают слишком широким жестом. Мамы же тащат своих детей через всю жизнь и не жалуется.

Слушаю его одним ухом, как фоновое сопровождение. Потому что все рецепторы сосредоточены за соседним столом.

— Кто там? — не выдерживает Егор.

— Муж. Бывший, — коротко бросаю, взглянув на парня всего на секунду.

— Хочешь, уйдём? — предлагает.

— Нет, не нужно.

Миша наконец-то поднимает взгляд, оторвавшись от своей спутницы. Сталкиваемся глазами. Минутная борьба, в ко-

торой преобладает его удивление. С осуждением проходится суровым взглядом по Егору.

Как ни в чём не бывало продолжает беседу со своей девушкой.

Она что-то тихо мурлычет, так ласково и низко, что не слышать. Кладёт ладонь на его руку.

Миша резко одёргивает руку и прячет под стол.

Смешно...

Издаю громкий смешок и прикрываю рот ладошкой. Он правда думает, что может сделать из меня дуру?

Его любовница в растерянности хлопает ресницами, не понимая, что происходит.

Миша, привлечённый моим смехом, игнорирует её вопросы. Буравит взглядом мою руку, обнимающую горячую чашку с кофе.

Не сразу доходит, чего он так завис.

Кольца нет. Я ведь сдала его в ломбард.

Усмехаюсь с жестоким оскалом.

— Мира, прямо скажу, ситуация не из приятных, — вставляет Егор, с пониманием относясь к происходящему. — Если сейчас ещё зайдёт моя бывшая со своим, будет полный набор, — пытается отшутиться и улыбается. — Давай уйдём. В городе полно кафе, где можно посидеть.

— Нет, мы останемся, — отвечаю уверенно.

— А ты опасная женщина, — с грустным восторгом кричит, принимая мои правила игры и то, что становится соучастником этого цирка. И тоже пускает взгляд на Мишу — наигранно дерзкий.

С Егором мы знакомы с тринадцати лет. В детстве дружили, потому что находились в одной компании. Ну а после расставания с Максом он как-то признался в чувствах, а я не оттолкнула. Провстречались пару месяцев, не больше. Это больше было похоже на игру, чем на отношения. Для него это было серьёзно, а для меня — просто попытка начать жить после того, как Макс уехал. Я всегда воспринимала Егора как друга. Забавно то, что по прошествии стольких лет этот парень вызывает те же тёплые эмоции, осязаемое чувство поддержки и глубокого взаимопонимания.

— Я бы уже не выдержал, — хихикает Егор, бросая на Мишу очередной строгий взгляд. — Он у тебя вообще человек?

— Не думаю, — тоже смеюсь. — Сегодня он отказался оплачивать сыну кружки, а сам в кафе любовницу пирожными кормит. Противно, если честно.

— Осуждаю, — поддерживает Егор. — Мира, если деньги нужны, я могу...

— Справлюсь, — перебиваю.

На наш столик падает тень.

Мы с Егором одновременно поворачиваем головы и втыкаемся взглядами в Мишу, нависшего над нами как грозовое облако. Руку положил на спинку моего стула так по-хозяйски, что смешно.

— Что ты здесь делаешь? Тебя сын дома ждёт! — ворчит Миша.

Не такой он, чтобы скандалы в общественных местах устраивать. Приличный у меня, этим и нравился.

— Аналогично, Миш, — хихикаю, поражаясь его логике.

Киваю на его любовницу. Та как раз обернулась, сканирует глазами всю нашу троицу.

— Тебя сын ждёт, а ты с чужими детьми время проводишь, — сарказм так и льётся. Сейчас, вблизи, при ярком искусственном освещении, хорошо разглядела эту дрянь. Лет двадцать, не больше.

Ну вот что такие молодые и красивые находят в возрастных женатых мужиках вроде Миши? Нет бы свою семью создавать, с такими же молодыми, так они чужие рушат.

И не противно ей? Совесть не мучает?

Судя по тому, с каким надменным взглядом смотрит на меня, ни капельки.

— У меня деловая встреча! Ты опять что-то себе нафантазировала, — давится ложью, при этом стреляет взглядом на Егора. — А это кто? Не успели развестись, уже любовника завела? Или он был? Спала с ним, пока я в море работал?

Смотрю на Егора, тот улыбается:

— Звонили из Испании, говорят, это не их стыд, — шутит.

— А я теперь свободная женщина, с кем хочу, с тем и гуляю, — отвечаю мужу.

— Всё, поехали домой! — Миша перемещает руку со спинки стула на мой локоть. — Дома поговорим.

— Руку убери, — Егор поднимается из-за столика. Шутки в сторону, когда такое происходит. Даже не улыбается, готов броситься на мою защиту.

— Ты вообще кто такой? Это моя жена, я сам решу, когда и как мне её трогать. Поехали домой! — рывкает на меня и дёргает за локоть.

Егор толкает его плечом. Не драка, не замес, просто чтобы огородить меня. Закрывает собой, чтобы муж меня не трогал.

— Мужик, тебя ждут, — кивает на любовницу. — Мы к вам не лезем, и вы к нам не лезьте.

Миша напряжённо дышит. Прожигая меня убийственным взглядом, возвращается за столик.

Они сидят буквально минуту, после чего сразу уходят.

— Спасибо, — улыбаюсь Егору.

— Обращайся. Если будет руки распускать — сразу звони, окей?

— Не волнуйся, он не такой. Поорать может, но чтобы ударить...

Показательное выступление закончилось, наступила неудобная пауза. Весь настрой провести вечер в компании друга за приятным общением сошёл на нет.

Стараюсь не показывать, насколько коробит вся эта ситуация. Но Егор сам всё понимает, не удерживает.

— Проводить? — спрашивает.

— На такси доеду, — отвечаю, мило улыбаясь.

Прощаемся, стоя под тяжёлым козырьком кофейни.

Егор садится в свой старенький «Приус», легонько вклинивается в поток других автомобилей и исчезает.

А я остаюсь со своей реальностью, в которой нужно вернуться домой и общаться с мужем.

Звонок телефона вырывает из утопии мрачных мыслей. Номер неизвестный, но что-то толкает принять вызов.

— Сделаю вид, что не расстроился из-за твоего побега из гостиницы, — в голове теплотой отзывается голос Макса. — Обещаю даже не пытаться вопросами, почему ты меня не дождалась.

— Точно? — подыгрываю, легко смеясь. — Зачем тогда звонишь?

— Говори, где ты, подъеду. Нужно поговорить.

Зависаю ненадолго. Не уверена, что хочу сейчас с ним видеться. Всё ещё стыдно за своё поведение в гостинице.

— Это насчёт работы, — словно считав мой настрой через мобильную связь, быстро озвучивает цель встречи.

— Ладно, приезжай. Геолокацию скину.

Большая тёмная, почти устрашающая машина появилась

из-за поворота буквально через минуту. Дерзкая, вызывающая — как и тот, кто ею управляет. Оглушающие басы разорвали вечернюю тишину. Люди на тротуаре оборачиваются, кто-то останавливается, разглядывая чёрный блестящий кузов, как хищника, вырвавшегося на свободу. Бабушка на остановке зачем-то перекрестилась.

Мда, раньше Макс понтовался суперкрутым скейтом, а сейчас у взрослого мальчика большие игрушки, но желание выделиться никуда не исчезло.

— Так что там, насчёт работы? — задаю вопрос в лоб сразу, как закрыла дверь автомобиля.

Макс хищно скалится, изображая улыбку. Отводит взгляд, бьёт большим пальцем по рулю.

— Давай прогуляемся? — снимает тачку с ручника и резко дёргает руль влево, подрезая иномарку. Нагло и быстро вклинивается в поток автомобилей.

— Макс, я устала. У меня нет желания гулять! — нервно пытаюсь протестовать.

— Просто погуляем, — стоит на своём, словно не слышит меня. — Расскажу про работу.

Почему нельзя поговорить в машине — не понимаю. Зачем нужно гулять? Он ведь ясно дал понять в номере, что я как женщина его не интересую!

Он привозит нас на набережную, паркуется поближе под знаком «Парковка запрещена», проигнорировав свободные места на парковке.

Да, он из тех, для кого закон не писан. Знакомо. Проходили.

На набережной ярко, шумно, весело. С первым потеплением здесь, как подснежники, вырисовывается молодёжь. Девчонки, стоя у перил, фотографируются на фоне городских огней. Влюблённые парочки неторопливо прогуливаются вдоль берега.

Морская вода кажется чёрной, густой, как нефть. Такое же чёрное небо льётся в море, стирая горизонт.

Макс идёт рядом молча, засунув руки в карманы тёмной куртки. Высокий, широкоплечий, уверенный в каждом движении. От него всё так же веет опасным спокойствием и наплевательским отношением к людям вокруг — тем самым, которое когда-то сводило меня с ума.

Шагает медленно, подстраиваясь под мой темп. А я на набережной сто лет не была. Неторопливо глотаю глазами все фонари, улыбочные лица людей, впитываю запах морской соли, эту атмосферу.

— Так что насчёт работы? — не выдерживаю.

— Тебя берут дизайнером в рекламное агентство.

— Правда? — останавливаюсь, заглядываю в его глаза.

— Я когда-нибудь тебя обманывал? — изображает коктейль из обиды и возмущения.

— Тебе все разы перечислить? — усмехаюсь.

— Правда взяли, — утвердительно отвечает. — Есть один нюанс. Агентство переезжает в новый офис и работать начнут только через несколько дней. Тебе нужно будет приехать в понедельник. Зарплата зависит от проектов, ну ты понимаешь.

— Спасибо! — восклицаю и неосознанно встаю на цыпочки, чтобы его обнять. — Ты правда очень помог, — шепчу в его шею, пытаюсь не тронуться умом от запаха и не позво-

лить себе лишнего.

— Мама? — голос сына режет трахею, лишая кислорода.

Глава 12

— Мама?..

Голос Димы ударил под дых так резко, словно кто-то с размаху распахнул дверь в тёплую комнату и впустил внутрь ледяной морской ветер. Всё тело мгновенно окаменело. Руки сами отпрянули от Макса, будто я обожглась.

Сын стоит в нескольких метрах от нас, возле перил набережной. Высокий, вытянувшийся за последний год, в чёрной толстовке с натянутым на голову капюшоном. За его спиной нервно мигают огни аттракционов, музыка с колонок подростков смешивается с шумом моря, а у меня ощущение, будто весь мир сузился до одного-единственного взгляда подростка, полного такого дикого, взрослого разочарования, что внутри всё болезненно перекручивается, как через мясорубку.

— Дима... — только и могу выдохнуть.

Он смотрит не на Макса. На меня.

Так смотрят люди, которых предали.

— Нормально вообще? — голос сорвался на хриплый крик. — Ты что делаешь?!

Щёки вспыхнули жаром. Я машинально оглядываюсь по сторонам, будто чужие люди могут спасти меня от собственного сына.

— Ты почему здесь так поздно?! — резко бросаю в ответ, цепляясь за первую возможность уйти от главного. — Ты время видел вообще?!

— А ты видела?! — почти рычит. Так похож сейчас на дикого зверька, загнанного, пойманного в ловушку.

Слова полоснули по нервам, как ржавое лезвие.

И только сейчас до меня по-настоящему дошло, что ребёнок, которому ещё недавно я шнуровала коньки, стоит ночью на набережной совершенно один. Потому что взрослые слишком заняты своим разборками, своими обидами, своей болью. Потому что последние дни мы все жили как люди после кораблекрушения — хватались за воздух, тонули каждый по отдельности и делали вид, будто всё нормально.

— Дима, ты с ума сошёл? — голос дрогнул уже не от злости, а от страха. — Почему ты один ночью, в городе?! Я ду-

мала ты давно дома!

— А тебе не всё равно?! — орет так громко, что проходящая мимо парочка обернулась. — Ты вообще про меня забыла! Только и делаешь, что с папой ругаешься! А теперь ещё и изменяешь ему! Я физически почувствовала, как что-то внутри треснуло. — Не смей так со мной разговаривать, — тихо произношу, как можно строже. Но голос звучит слабым, как будто сейчас расплачусь. — А как мне разговаривать?! — глаза сына заблестели от злых слёз. — Папа дома, а ты тут с мужиками гуляешь! Макс до этого молча стоял рядом, спокойно, засунув руки в карманы, и не лез. Он как будто понимал что между мной и сыном сейчас нет места посторонним. Но когда Дима уже начал задыхаться от эмоций, и я испугалась до полуобморока, он решительно приблизился к Диме. — Слушай, мелкий, — неожиданно спокойно. — Ты сейчас орёшь так, будто твоя мать минимум банк ограбила. — Не лезь! — резко бросает Дима. — Да я и не лезу, — легко усмехается Макс. — Просто наблюдаю драму века. У вас тут накал такой, что даже чайки притихли. Сын нервно сжимает челюсть, бросив на него раздражённый взгляд. Так по взрослому, словно готов броситься в драку. Макс продолжает всё тем же ровным голосом человека, который умеет разговаривать с людьми так, что они сами не замечают, как начинают слушать: — Ты мать свою любишь? — Причём тут это? — дергает плечом Дима. — Притом. Любишь? Сын смотрит на ме-

ня.— Люблю.— Ну вот. А она тебя?— Наверное.— Не наверное, а точно, — спокойно поправляет Макс. — И от того, что она с кем-то разговаривает, смеётся или дружит, матерью быть не перестанет. Это вообще разные вещи.— Вы обнимались, — упрямо бросает Дима, но уже без прежней ярости.— И что? Люди иногда обнимаются. Я вот своего тренера по боксу обнимал на соревнованиях. Мы же не поженились после этого. Я невольно фыркаю от нервного смеха. Даже Дима дёрнул уголок губ, хотя старательно пытается сохранить обиженный вид. Макс тут же поймал этот момент, как опытный карточный шулер.— Короче, мужик, — он хлопнул сына по плечу. — Твои родители взрослые люди. Они разберутся без уличных боёв и мексиканских сериалов. А твоя задача сейчас — не шляться ночью по набережной и не доводить мать до инфаркта. Она и так на грани. Дима шумно выдохнул, опуская взгляд в асфальт. И я вдруг с болезненной нежностью заметила, каким он всё-таки ещё остаётся ребёнком. Несмотря на грубый голос, высокий рост и попытки казаться взрослым. Просто испуганный мальчик, у которого рушится привычный мир.— Давайте отвезу вас домой, — предлагает Макс.— Не надо! — резко отвечает Дима. — Я сам доеду.— На такси? — выгибает бровь Макс.— Да!— Ну ладно, самостоятельный, — усмехается он. — Только матери напиши, как доедешь. А то она сейчас поседет окончательно. Дима ничего не отвечает. Только смотрит на меня коротким тяжёлым взглядом, полным обиды, потом резко разворачивает-

ся и уходит к дороге. А я ещё долго смотрю ему вслед, пока родная фигура не растворяется среди огней и людей. В груди расплзается вязкое чувство вины. Такое густое, будто кто-то залил лёгкие терпким сиропом. Я плохая мать. Эта мысль бьется в голове вместе с шумом волн. Плохая! Не заметившая, как собственный ребёнок начал бродить по ночам по городу. Значит, дома ему плохо.

— Поехали, — тихо произносит Макс и тянет меня за локоть. Если бы не он, я бы не вывезла. Не справилась сейчас. Потому что мысли о том что я ужасная мать давят на грудь смертельным грузом. Я бы все на свете отдала, чтобы мой сын никогда не познал такой боли и обиды. И как дальше с этим жить, не представляю. В машине тепло. Слишком тепло после ледяного ветра на набережной и всей той сцены, которая до сих пор дрожит под кожей, как оголённый провод брошенный в воду. — Все нормально, — Макс настойчиво вбивает смысл этих слов в мою голову. — Не маленький, поймет. — Что он должен понять? — вливаюсь в Макса проклинающим взглядом, нервно кусая губы. — Почему его мама обнимаются с посторонним мужиком у всех на глазах? Почему он должен это понимать? Он должен готовиться к впр и к предстоящему матчу! А не вникать во взрослые разборки. Я вообще перестала за ним следить! Я ужасная мать! — слезы хлынули сами собой. И мне так плевать на них. На Макса, на Мишу, на всех плевать. Все взгляд Димин стоит перед глазами. — Нор-

мальная ты мать. Лучше моей точно.— Тихо но проникновенно говорит Макс.— Я бы хотел... своим детям такую мать, как ты. Звучит как откровение. Даже неловко стало, настолько, что я плакать перестала. Макс, будто сообразил что ляпнул лишнего, тоже замолчал. Мы молчали всю дорогу, каждый утопая в собственной трясине мыслей. Когда автомобиль свернул в мой посёлок, внутри всё неприятно сжалось.— Подожди... — медленно перевожу взгляд на Макса. — Откуда ты знаешь, где я живу?— эмоционально спрашиваю, взирая на ворота своего дома перед капотом, освещенные фарами. Макс усмехается краем губ.— Проследил за тобой после первой встречи в магазине.— Признаётся. Я так старательно скрывала от него адрес, не разрешала подвозить до дома, а оказывается, он его уже знал!— Что? Ты совсем больной?— Не ори.— резко затыкает нервный поток.— Просто хотел убедиться что ты нормально добралась до дома. Вид у тебя был жалкий. Как будто собралась напиться и с моста прыгнуть. Сердце неприятно ухнуло вниз. Толи от того что в его глазах я выгляжу жалкой, то-ли от того что он проявил заботу.— Это ненормально, следить за чужими людьми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.